

ИГУМЕНИЯ ФЕОФИЛА (ЛЕПЕШИНСКАЯ)

ПЛАЧ ТРЕТЬЕЙ ПТИЦЫ

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ
В СОВРЕМЕННЫХ МОНАСТЫРЯХ

Религия. Война за Бога

Игуменья Феофила
(Лепешинская)

**Плач третьей птицы:
земное и небесное в
современных монастырях**

«ЭКСМО»

2017

УДК 281.93
ББК 86.372

Игуменья Феофила (Лепешинская)

Плач третьей птицы: земное и небесное в современных монастырях / Игуменья Феофила (Лепешинская) — «Эксмо», 2017 — (Религия. Война за Бога)

Первое издание этой книги о современном монашестве в России было анонимным. Даже тогда, когда все узнали, увидев обложку второго издания, кто автор «Плача третьей птицы», страсти не утихли. Книгу написала игуменья действующего монастыря Русской Православной Церкви Московского Патриархата, знающая о монашестве столько, что у нее всегда есть о чем сказать с иронией или болью, а о чем – промолчать. Это честная, содержательная, пронзительная и откровенная книга о монахах и монастырях, написанная изнутри человеком, пережившим возрождение монашества в России. Сила свидетельства игуменнии Феофилы – в постоянном обращении к молитвенному очагу, к духовной высоте и сокровенной красоте подлинного монашества. Третье издание дополнено предисловием Олеси Николаевой и разделом с практическими рекомендациями для собравшихся посетить монастырь с теми или иными целями.

УДК 281.93
ББК 86.372

© Игуменья Феофила
(Лепешинская), 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Предисловие	6
Черный монах за каменной стеной	10
Монах не кот...	15
Просто христианство	20
Пустите детей...	24
Не озирайтесь вспять!	28
Аще кто не возненавидит...	32
Караван на пути к раю {76}	36
Особенности монастырской политэкономии	41
У Бога всего много	45
Рука дающего...	49
Тесный путь, имже внидоша святии отцы... {151}	55
Наедине с медведем	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Игуменья Феофила (Лепешинская) Плач третьей птицы: земное и небесное в современных монастырях

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
Номер ИС Р17-710-0383

© Игуменья Феофила (Лепешинская), текст, 2017

© Николаева О. А., предисловие, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

* * *

Предисловие

Лет пятнадцать назад в церковной книжной лавке мне попала небольшая книжка некой монахини Н. «Дерзай, дочь» – кратко говоря, о христианском понимании места, назначения и роли женщины в мире. Открыв ее наугад, я уже не могла оторваться, а прочитав целиком, испытала чувство радостного открытия. Такое бывает при встрече с живым, талантливым и осмысленным явлением. И – совершенно беспрецедентный для меня случай – купила сразу этих книг штук семь, а то и десять, чтобы дарить, и, вручая избранницам, неизменно чувствовала, что дарю что-то очень ценное, очень важное для этого человека, и предвкушала то духовное наслаждение, которое он испытает при чтении.

Потом меня пригласили выступить перед сёстрами Богородично-Рождественской девичьей пустыни в селе Барятино, недалеко от Калуги, и я вместе с мужем приехала туда. Нас встретили у ворот настоятельница и ее помощница, провели в трапезную, где уже сидели монахини и послушницы. Я читала им стихи и отвечала на вопросы. Кое-что в ходе этой беседы, а именно – некоторые важные пояснения и точные реплики, которые вставляла игуменья, – навело меня на смутную догадку, которая потом, когда мы были приглашены на трапезу и разговорились с игуменьей, переросла в уверенность, что передо мной – та самая таинственная монахиня Н., автор столь поразившей меня книги. Я ее узнала по обороту речи, по интонации, по умному взгляду пронизательных глаз... Так и оказалось. Это была игуменья Феофила.

Потом она написала новую книгу, именно эту – «Плач третьей птицы», которую и прислала нам с мужем по электронной почте еще до издания. Сгорая от нетерпения поскорее ее прочитать, мы вывели ее на бумаге и сели с ним рядом, передавая друг другу прочитанные страницы... Образцово выстроенная, написанная великолепным языком, насыщенная смыслами, как обретенными в Священном Писании, святоотеческой литературе и мировой культуре, так и подкрепленными личным духовным опытом, эта книга из тех, с которыми не хочется расставаться: с ней хочется жить, перечитывать, учиться по ней проникать в суть движений собственной души и осмыслять повороты внешних событий. Ибо она дает ключ к пониманию христианской жизни, протекающей здесь и сейчас, в условиях современной России, в определенный исторический момент, причем вписывает ее в контекст евангельской метаистории, задающей масштаб.

Удивителен объем эрудиции автора, который легко и свободно распоряжается ею, органично и компактно ставя ее на службу главной идее спасения человека. Тонкости христианской антропологии, православной догматики, аскетике, патристики, герменевтики, нравственного богословия, духовничества, церковной истории, Писания и Предания, – словом, церковность явлена в этой книге в экзистенциальном свете: высокие умозрения отражаются и преломляются в конкретных проявлениях человеческой жизни, свидетельствуя о своей насущности. Это – «хлеб наш насущный».

Кроме того, впущенные в пространство книги и соседствующие здесь житийные истории, принадлежащие разным векам, сюжеты из текущей современной церковной жизни, а также богословские умозрения, элементы православного вероучения, молитвенной практики, изречения церковных деятелей прошлого и высказывания проповедников нашего времени, поэтические строки литературной классики, взятые в качестве эпиграфов к каждой главе, и даже публицистические отступления, – все это, переплетаясь, создает картину единства христианского мира, вбирающего в себя время и пространство.

Речь здесь идет, прежде всего, о монашестве и монастырях как таковых и о монастырях, воссозданных после крушения оплота богоборчества и атеизма – советской империи, по преимуществу. Пребывание внутри этого процесса – возрождения монашеской жизни

в России – дает игуменье Феофиле не только опыт очевидца, но и власть свидетельства о том, как это происходило: в книге множество конкретных случаев, ситуаций, примеров ошибок, искривлений и срывов новоначальных богомольцев и новопостриженных монахов. Это объясняется прежде всего – и во веки веков – человеческой природой, испорченной грехопадением, но и тем духовным и нравственным ущербом, который нанесло христианскому народу «вавилонское пленение» советской власти: утрата церковных традиций, угасание веры, искажение понятий о человеке, шаткость нравственных основ, туман заблуждений и суеверий, крайняя малочисленность подлинных наставников благочестия. Порой надо было начинать с выжженного поля человеческой души...

Однако, описывая конкретные прискорбные случаи злоупотреблений духовной властью в монастырях и на церковных приходах, религиозного самозванства, мистической самодеятельности, фарисейства, равно как и невежества тех, кто потянулся в монастыри и храмы, игуменья Феофила вовсе не ставит целью умалить религиозную жажду, открывшуюся в народе. Во все не пикантность отдельных эпизодов, порой граничащих с анекдотами, которыми она порой иллюстрирует свои рассуждения, является здесь целью: высота призвания, образец, Образ Божий – вот конечное устремление ее мысли. Недаром в книге не названы имена и фамилии тех, чьи сомнительные поступки и высказывания послужили игуменье Феофиле лишь инструментом для ее апофатического метода. Предметом обличения здесь оказывается не сам человек, а его фальшивые слова или дурные поступки. Как опытный реставратор, она словно снимает с первоосновы и поврежденные слои краски, и те, что грубо наляпали на него неряшливые и неумелые богомазы, дабы обнажить сокрытую ими сокровенную Красоту, сияющую в православии.

Хотя «Плач третьей птицы» – книга о монашестве, но по своему духовному кругозору она значительно объемнее, так же как и монашество, значение и влияние которого не ограничивается стенами монастыря или скита, а простирается на судьбы народов, достигая самых небес. Монашество – это удел стремящихся, как евангельский богатый юноша, к совершенству, к жизни, носящей на себе «отблеск будущего века». И в этом смысле – это самое сердце православия, «соль земли», молитвенный очаг, возле которого возгорается любовью Христовой охладевшее сердце христианина; источник живой воды, испив от которого, душа оживает и просветляется разум. Тем большее значение для России и для всего православия имеет то, что происходит с монастырями и в монастырях: духовное неблагополучие, оскудение веры и охлаждение любви, «соль, потерявшая вкус» – могут иметь самые дурные последствия для жизни не только всей страны, но и целого мира.

Знаю одну инокиню, которая, попросив у меня рукопись книги, вернула ее в полном молчании, а потом опубликовала в журнале гневную отповедь на нее, главный пафос которой сводился к тому, чтобы «не выносить сор из избы». Образ этот мне показался ложным и саморазоблачительным, ведь монастыри – это не личная изба, а обитель Святого Духа, «врата небесные», «скиния Бога с человеками», «освященный град», и нет более достойного радения здесь, чем радение о Славе Божьей, и более непримиримого сражения, чем битва с лукавым противником, пытающимся извратить и профанировать это избранное место.

Недаром вся русская культура вышла из монастырей и явилась той закваской, которая сформировала национальную ментальность, начисто изменить которую, при всем старании, не смогли ни большевики, ни постмодернисты. Огромное значение придает игуменья Феофила православному образованию: воссозданию человека «по образу Божьему». Христианин, говоря словами апостолов Петра и Павла, всегда должен быть готов дать вопрошающему ответ о своем уповании и сам дать за себя отчет Богу.

Автор книги противопоставляет христианскую просвещенность – невежеству и самоchinию ума, всегда либо слепо и бездумно следующего за указкой поводыря и рискующего заблудиться, потеряв оно, либо норовящего уклониться в своевольные горделивые разыс-

кания, чреватые раскольническим потенциалом или сектантским вывертом. Вера «угольщика и старой нянюшки» редко когда без ущерба проходит горнило испытаний.

Духовная просвещенность, питание от евангельских и святоотеческих источников, познания в области Предания и церковной истории, чтение хорошей литературы вслед за опытом церковной молитвы собирают воедино, центруют и формируют личность, спасая ее от расколотости сознания и внутреннего разброда, возвышают и помогают освободиться от власти темных природных инстинктов.

Недаром и в своем монастыре игуменья Феофила частью духовного руководства положила просвещение и образование вверенных ей насельниц: помимо участия в богослужениях и общемонастырских послушаниях – работы в золотошвейных и иконописных мастерских, трудов на поле, скотном дворе и на кухне, – матушка, приглашая монахинь и послушниц в богатую книгами монастырскую библиотеку, отводит часть времени на чтение лекций по самым разным дисциплинам, как церковным, так и гуманитарным.

Удивительно еще и такое свойство этой книги: в ней содержание не противоречит форме, смысл высказывания – его стилю. Прекрасное знание психологии человеческой души подтверждается еще и точностью выражения. Опрятности мысли соответствует словесная прозрачность. А эстетическая убедительность православия выражается в изяществе, даже художественности, слога, который тем не менее остается по-мужски (по-монашески) четким и твердым. Так говорит и пишет лишь человек, который с полной ответственностью свидетельствует о том, что он испытал, прочувствовал, продумал и понял, с помощью Божьей, сам, на собственном опыте, «Богу содействующа...»: «Пролей кровь и получишь Дух».

Словом, у нас есть прекрасная писательница, игуменья, книги которой уже можно причислить к православной классике. Так же, как когда-то я с ощущением первооткрывателя дарила ее «Дерзай, дочь», так и теперь испытываю радость, предвосхищая то наслаждение и ту духовную пользу, которую получит читатель от «Плача третьей птицы». Аминь.

Олеся Николаева

Сестрам, с любовью

Три монаха стояли на берегу моря. С другого берега раздался к ним голос: «Примите крылья и придите ко Мне». Вслед за голосом два монаха получили огненные крылья и быстро перелетели на другой берег. Третий остался на прежнем месте. Он начал плакать и вопиять. Наконец и ему даны были крылья, но не огненные, а какие-то бессильные, и он полетел через море с большим трудом и усилием. Часто ослабевал он и погружался в море; видя себя утопающим, начинал вопиять жалостно, приподымался из моря, снова летел тихо и низко, снова изнемогал, снова опускался в пучину, снова вопиял, снова приподымался и, истомленный, едва перелетел чрез море.

Первые два монаха служили изображением монашества первых времен, а третий – монашества времен последних, скудного по числу и по преуспеянию.

Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов

Святые отцы Скита пророчествовали о последнем поколении, говоря: «Что сделали мы?» И, отвечая, один из них, великий по жизни, по имени Исхирион, сказал: «Мы сотворили заповеди Божии». Еще спросили: «Следующие за нами сделают ли что-нибудь?» Сказал же: «Они достигнут половины нашего дела». – «А после них что?» И сказал: «Не будут иметь

дел совсем люди рода онаго, придет же на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше нас и отцев наших».

Древний патерик

...На птиц этих люди похожи, мой брат!
Мы так же стремимся к заветному Свету:
Как сильные птицы иные спешат,
За ними другие, хоть сил таких нету.
Лишь я погибаю, как третья птица;
Над тучами реять мне сил не дано...
Все чаще приходится в волны садиться...
Но, Боже, не дай опуститься на дно!

Архидиакон Роман (Тамберг). Притча

Черный монах за каменной стеной

*Славой золoteет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клубука!*

А. Блок

Неужели китайцы?..

Эта мысль о будущем России, впервые высказанная, кажется, о. Андреем Кураевым, поначалу повергает в шок; однако, начав размышлять в заданном направлении, постепенно привыкаешь: лучше ли мы греков, от которых приняли священное наследство, и не жестокое ли евреев: те, оказавшись после 70-летнего плена в несчастной разоренной стране, пеклись не о *качестве жизни*, а о возвращении к единой вере и восстановлении Храма. При этом давно уже носится слух, что нашествие и последующее преобладание *желтых людей* определённо предсказано то ли Библией, то ли Нострадамусом; и почему не вероятно постепенное проникновение раскосых наших собратьев в Сибирь, а затем в Тулу и Рязань мелкими группами по сто тысяч человек с массовым обращением в православие? В конце концов, Господь любит и китайцев.

Православных в России по статистике чуть ли не 80 миллионов, но провинциальные священники утверждают, что церковь регулярно посещают от силы два процента населения. Тем не менее православие ужас как популярно, а особенно монашество, о чем свидетельствует широкое использование его образа в рекламе: питьевая вода «Святой источник», пельмени «Монастырские» (конечно, с мясом), а уж винно-водочные изделия! «Крестный ход», «Исповедь грешницы» (белое полусладкое и будто бы натуральное); «Черный монах», «Старый монах», «Шепот монаха», «Слеза монаха», «Исповедь монаха», «Душа монаха», чай «Китайский монах», с призывами на этикетках: *прикоснись к тайне древних монастырей!*..

Наверное, покупают хорошо, как и популярные книжки под завлекательными названиями: «Пелагия и белый бульдог», «Пелагия и черный монах», «Пелагия и красный петух», с круглой мордашкой в очках и апостольнике на обложке. Церковный журнал посвятил автору серьезную статью с тщательным разбором искажений христианских истин и монашеских правил; блаженны – или наивны – чистые сердцем! Модный литератор отнюдь не стремился к жизненной правде, он ставил совсем иные цели^{1}, вычислив с помощью телевизора и компьютера запросы широкой публики, измученной прогрессом: уютный издалека позапрошлый век, плюс детективный сюжет, плюс загадочные персонажи, неведомы зверушки, какие-то купцы, архиереи, схимники, монашки.

Дорогу, как водится, давно проложили на Западе, после ошеломительного успеха романа «Имя розы» завалив рынок аналогичными по теме, но несравнимо низкого качества бестселлерами, вплоть до бездарной и скучной пародии К. Бакли и Д. Тирни «Господь – мой брокер» (!) о преодолении финансового кризиса в американском монастыре, новинки, предлагаемой на книжном развале. Конечно, фантастический спрос на *последние искушения, коды да Винчи* и т. п. свидетельствует об устойчивом, неоскудевающем, несмотря на секуляризм якобы постхристианской эпохи, интересе – ко Христу.

^{1} Рейтинг ПРОДАЖ – вот что сегодня определяет качество литературы и профессионализм писателя; а побеждает повсюду легкий жанр, т. е. поддерживается раскруткой, на которую приверженцы массовых вкусов большие мастера.

Заголовки статей, посвященных монастырям, намекают на жуткие постыдные деяния, которые совершаются в мертвой тишине наглухо запертых келий.

И повседневная пресса не отказывает монашеству во внимании по той же причине, сформулированной Буратино: *здесь какая-то тайна*. Статьи бывают доброжелательные, с высокопарным описанием природы, распорядка дня, вкусного обеда и сердечной матушки, и, наоборот, разоблачительные, рисующие мрачный пейзаж, жестокую дисциплину, скудное меню, корыстное начальство и вопиющее нарушение прав человека. В одной столичной газете прямо писали, что игуменьи используют молодых послушниц в целях привлечения спонсоров, так сказать, в уплату за щедрые пожертвования... Жаль иногда, что Церковь предпочитает не судиться.

«За каменной стеной», «За монастырскими стенами», излюбленный «Обитель строгого режима» – заголовки намекают на жуткие постыдные деяния, которые совершаются в мертвой тишине наглухо запертых келий. Но вот, кажется, «Комсомольская правда» предприняла многообещающую разведывательную операцию, заслав лазутчицу в монастырь за Уралом^{2}. Девушка притворилась, что пробует силы на предмет монашества, была обласкана, ей открылись все двери... И что же? Да ничего сенсационного; передавала в газету репортажи почти восторженные... Кто знает, может, приедет когда-нибудь в монастырь не понарошку.

Но обычный способ корреспондентов, командированных на пару часов за экзотикой – фантазировать в меру собственной испорченности, сочиняя причудливые объяснения непостижимого явления, каким остается монашество для всех, чуждых и даже не совсем чуждых христианству. Что ж,

... мои дела
Немного пользы вам узнать.
А душу можно ль рассказать?

М. Ю. Лермонтов

Вообще-то уже во времена святителя Игнатия московские журналы называли монашество анахронизмом. К. Леонтьев цитировал полученное им письмо: «В наше время монахом может стать идиот или мошенник». В начале XX века считалось хорошим тоном высмеивать монахов как тупых невежд, никчемных для блага человечества, совершающих бессмысленное насилие над природой. В 1908 году в серии с красноречивым названием «Религия и церковь в свете научной мысли и свободной критики» вышла книжка протестантского богослова Адольфа Гарнака «Монашество. Его идеалы и его история». С раздражением, сглаженным иронией, автор разоблачает абсурдность поведения фанатиков-аскетов, истязующих себя с неведомо какой целью, разве ради музейного хранения давно устаревших обрядов.

Монашество и теперь в России, когда оно хилым цветочком пробивается сквозь асфальт^{3}, пытаясь родиться заново, критикуют со всех сторон. Настроенные широко и современно доказывают, как и столетие назад, что монастыри отжили свой век и куда полез-

^{2} То ли еще будет! На телевидении, сообщают, готовится реалити-шоу с исследованием монастыря в ряду таких замкнутых структур, как тюрьма, иностранный легион, израильская армия: сажаем туда нашего человека и показываем систему изнутри, – обещал в печати один из авторов проекта. Идея давно осуществлена в США.

^{3} Хотелось бы сравнить нынешнюю ситуацию с эпохой Миланского эдикта, когда народ узрел президента, то бишь императора, осеняющего себя крестным знаменем, и хлынул в храмы, но совесть предостерегает от чрезмерного оптимизма.

нее служить ближнему через благотворительные и социальные учреждения; жалеют горемычных монахов, утративших право на *простое человеческое счастье*, потерянных для мира с его стремительным ритмом и красочным фейерверком больших и маленьких удовольствий; особенно трагична участь девочек, лишенных радостей любви и материнства; а если опять гонения – убьют ведь всех! И, наконец, всегда злободневный упрек: уходящие в монахи обрекают человечество на вымирание.

Писатели газет, иронизируя по поводу «уютных мифологем» о древних временах, когда люди были благочестивее, а пища вкуснее^{4}, на ходу создают мифологемы иные: среди иноков тогда, как и всегда, процветали ссоры, воровство, пренебрежение к больным и конфликты с властью, но зато царила демократия и все высшие церковные должности были выборными («НГ-религии»). Известный контингент, обозначаемый как «обновленчество», более чем дружественный по отношению к староверам, католикам, протестантам и иудеистам, категорически не приемлет монашество, правда, именно русское: Тэзе^{5} и прочие иноземные кущи приверженцы *православия с человеческим лицом* охотно посещают и воспевают.

Другие ищут и не находят высокой духовности: «Монашество потеряло обетование, в нем нет данных нам обещаний самой Пресвятой Троицей»^{6}. Звучит критика в адрес Синода, благословляющего открытие новых и новых обителей: зачем так много, если уже открытые так несовершенны; *лучше меньше, да лучше*, говаривал незабвенный вождь мирового пролетариата, а задолго до него – императрица Екатерина, которая из самых здравых соображений перетасовала *излишек* иночествующих и добилась почти полного истребления монастырей^{7}. По той же логике в интересах качества следует ограничить и заключение браков – слишком уж много неудачных.

Мир да не предписывает закон делу Божию, сказано святителем Филаретом Московским. Сейчас на территории России насчитывается более четырехсот монастырей – но ни один, за исключением Троице-Сергиевой лавры, не достиг двадцатилетнего возраста; некорректно ожидать от них триумфальных достижений, тем более выносить приговоры: монашество приходит в упадок... монашеский дух катастрофически падает^{8}. Падение предполагает утраченную высоту; неясно, от какой планки отсчитывать, какое монашество ценить за критерий – египетское? палестинское? византийское? афонское? древнерусское? наше дореволюционное? В истории случались разные ситуации; возьмем феномен тавениссийских обителей: они процветали – количественно и качественно – при жизни основателя, великого Пахомия, а затем пришли в оскудение, которое означало конкретно упадок тавениссийских обителей; монашество продолжало сиять и благоухать, но в иных местах.

Громче всех, как всегда, критикуют монастыри сами монахи, особенно пребывающие вне обителей. Если активно строятся здания и храмы, брюзжат, что созидать следует души, а не камни – будто, если стройки прекратить, души станут расти быстрее. Пускают паломников и туристов – проходной двор, а коли запрут ворота – эгоисты, живут только для себя.

^{4} Какие мифологемы! Положа руку на сердце, любой согласится, что люди были действительно благочестивее и пища действительно вкуснее – даже и в не такие уж древние времена.

^{5} Там, рассказывают, многочисленных паломников принимают с любовью, т. е. с учтивой улыбкой. «А я, – поделилась одна игуменья, – как увижу эту толпу на праздник, в ужас прихожу: хватит ли еды, куда селить, а постельного белья точно на всех не наберем, а вода! а канализационная яма точно переполнится, а откачку не дозовешься!..»

^{6} Л. Д. Битехтина. Восток – Запад, опыт старчества. Умозрение души. М.: Пересвет, 2002. Приведенная неудобовразумительная фраза отражает стиль этой толстенной, более чем странной книги, открывающейся восхвалением «божественных интуиций» Терезы Авильской.

^{7} Вопреки веку просвещения. Жизнеописание и творения высокопреосвященного Гавриила (Петрова). Предисловие. М.: Паломник, 2001.

^{8} Архим. Рафаил (Карелин). Тайна спасения. М., 2001. С. 221–222.

Заводят обширные поля или прибыльное производство – обзывают колхозами; если полей и производств нету – лентяи, не желающие трудиться.

Сейчас на территории России насчитывается более четырехсот монастырей – но ни один, за исключением Троице-Сергиевой лавры, не достиг двадцатилетнего возраста. Некорректно ожидать от них триумфальных достижений, тем более выносить приговоры.

Чистота и порядок – декорации; социальное служение – приюты, богадельни – суета и показуха; мало насельников – никто не идет, много – случайные люди; принимают пожилых – зачем, уже ничего не поймут, молодых – кто и чему будет их учить; монашеское жителство, говорят, сегодня одна видимость, без смысла и содержания, поскольку не имеется руководителей, старцев; ссылаются на суждения святителя Серафима Звездинского и преподобного Лаврентия Черниговского, относящиеся к эпохе тотального крушения, когда вообразить возрождение Церкви было так же немыслимо, как и внезапную отмену советской власти; упразднение монастырей виделось окончательным и знаменовало истребление христианства, предваряющее незамедлительный конец света.

Апокалиптический мотив, усилившийся со свистопляской вокруг ИНН, и теперь питает энтузиазм сверхправославных *ревнителей*: они покидают епархии, если архиерей не угодного им духа; они рассылают по монастырям подметные письма против Синода и в издаваемых листовках призывают шить рюкзаки, приобретать палатки, спальные мешки, примусы, готовиться уходить в леса^{9}; такая агитация легко ложится на советскую закваску, привычку всегда ожидать чего-то ужасного; многие так и живут с безотрадной верой не в Христа, а в антихриста, намереваясь, однако, как-то от него скрыться и переждать конец света; брошюры и статьи полны причитаниями: *в наше бедственное время...* Так и хочется возразить, как когда-то Леонтьев: его время, быть может, вовсе не моё время.

Причина неприязненного отношения к монашеству кроется, очевидно, всё-таки в том, что монахи живут по законам иного мира. Известно, какое настороженное, враждебное отношение встречают инакомыслящие; тем паче инакоживущие смутно представляются опасными и вызывают тревогу, не объяснимую логикой. Одно дело жалеть пасынков фортуны, замухрышек, не нашедших более веселого и комфортного места под солнцем, чем монастырь, но какое раздражение, даже ярость вызывает противоположная концепция: «Все бездарно в сравнении с монашеством, и всякий подвиг в сравнении с ним есть мещанство»^{10}.

Стоит заикнуться о монашествe – и родственники, друзья, знакомые, никогда и близко ни к какому монастырю не подходившие, найдут множество противных доводов, станут отговаривать, пугать и ужасаться... Может быть, пребывающих в миру посещает иногда безумная мысль: а вдруг правы *черноризцы* и действительно нельзя, говоря словами Алеши Карамазова, отдать вместо *всего* два рубля, а вместо *иди за Мной* ходить лишь к обедне? Но если так... они *внидут* первыми?.. А мы?.. А я?..

Так возникают подозрения, от которых избавляются, вычитывая из книг или высматривая в паломнических поездках по монастырям всё дурное. Это нетрудно: строгие, неразговорчивые монахи – значит, не имеют любви; прячут глаза – лицемеры, смотрят прямо – дерзкие; веселые – экие легкомысленные; грустные – ага, плохо им; скудная трапеза – морят

^{9} Уже в начале XIX века подвижники покидали Рославльские (Брянские, Жиздринские) леса – по разным причинам, в том числе из-за истребления лесов – и устраивались по монастырям. Были и гонения на *вольных* монахов, с принудительным выселением. Но даже в самый расцвет пустынножителства (вынужденного, по причине закрытия монастырей), в XVIII веке, идилии не наблюдалось: монахов преследовали земле- и лесовладельцы, грабили и избивали, иногда до смерти, разбойники; какой-нибудь проходимец мог, озорую, поджечь домик отшельника, пока тот ходил в церковь. Чего же можно ожидать в нынешних лесах!

^{10} А. Ф. Лосев. Диалектика мифа. М., 2001. С. 168.

голодом, обильная – ничего себе постники! бедная, с бору по сосенке обстановка – казарма, а приличная мебель, картины и ковры – *новые русские!*

Остается только сделать вывод: какие щас монастыри! едят да спят... и ничем они нас не лучше! – а потом вздохнуть с облегчением. Всё зависит от точки зрения: в былые времена, скажем, Гоголь, побывав в Оптиной, получил духовный заряд на годы и был благодарен, а Толстой ничего не получил и обвинял за то и монастыри, и всю Церковь Русскую...

Монах не кот...

*Что новее монаха-отшельника в рубище
строгом?*

*Он на льве возит воду, сердечно беседует с Богом.
И, как спелую смокву в горсти, как подбитую
птицу,
обозреть может землю, пройти через стены в
темницу,
нашептает рыбалям, чтобы риф огибали левее,
исцелить паралитика – что ж мы видали новее?*

Олеся Николаева

Всегда находилось немало любителей порицать монашество: мир не смотрит на свои слабости, но зорко взирает на монашеские и малые недостатки^{11}. Изображение толстобрюхого монаха, опоясанного по чреслам толстым веревочным поясом, с самого установления эпохи гуманизма служило символом жадности, чревоугодия, лени и прочих пороков; правда, судя по капюшону и тонзурке, то был не наш монах. Ходили по рукам, в стиле «Декамерона», повествования о пьянстве, безобразиях и разврате, но опять-таки в западных монастырях.

Русское монашество до Петра I насмешкам не подвергалось (все были как монахи), а после – тем более, т. к. терпело гонение: в книге фольклора, выпущенной в 1990 году, но составленной из сборников 1983 и 1984 годов (в советское время всякая хула на *церковников* печаталась нарасхват), раздел *монахи, монастырь* содержит всего 18 народных пословиц и поговорок (для сравнения: в разделе *жадность* их более 100); притом некоторые не имеют осудительного смысла: «в чужой монастырь со своим уставом не ходи»; «за что игумен, за то и братия»; «монах мастер и стоя спать»; «не всем чернецам в игумнах быть»; и даже отрицательно окрашенные не слишком и злы: «в лавре что на ярмарке, за деньги всё найдешь»; «довела голова до черна клобука»; «игумен за чарку, а братья за ковши»; «монах не кот – молока не пьет, а от винца не прочь»; «не всякий стрижется для Иисуса, иной и для хлеба куса»^{12}.

Император Петр, заразившись от протестантов неприязнью к монашеству – «монахи чужие труды поедают» – последовательно, без раздумий и колебаний, как и во всем, что он делал, боролся с ним. Идеологически новую политику обосновывал Феофан Прокопович: «Бегут в монастыри от податей и от лености, чтобы даром хлеб есть... большая часть тунядцы суть», – писал он и, предвидя возражения, добавлял: «А что говорят – молятся, то и все молятся, что же прибыль обществу от сего?»^{13}.

В начале XX века, под самый разгул *новой духовности*, вольномыслия и атеизма, когда интеллигенция, чуя утонченным нюхом грядущие революционные бездны, набрасывалась на Церковь за самодовольную косность архиереев, холодную схоластику богословов и верноподданническую робость батюшек, монашество испытывало массивную атаку периодической печати, объявлявшей аскетизм хроническим недугом, психопатическим явлением, искажением Евангелия и предлагающей реформировать историческое цер-

^{11} Прп. Макарий Оптинский. Письмо свт. Игнатию (Брянчанинову). В кн. Странствие ко вратам вечности. М., 2001.

^{12} Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., 1990.

^{13} Цит. по: И. К. Смолич. Русское монашество. М., 1997. С. 26.

ковное христианство в угоду духу времени, как его понимали многочисленные самостоятельные богоискатели^{14}.

В 1985 году, на финише соввласти, когда необъятные просторы СССР вмещали всего 16 монастырей, Политиздат выпустил книжку под зловещим названием «Черное воинство», нечто вроде краткой антимонашеской энциклопедии. Утверждается, что на протяжении тысячелетней истории России монахи неизменно оставались мишенью для насмешек и гневной сатиры, потому что реальная их жизнь расходилась с идеалами, сформулированными в обетах; ханжи и лицемеры, они грешили обжорством, сребролюбием, винопитием и прочей распущенностью.

Автор различает два обличаемых типа: ученый монах – бездельник с бородкой под Христа, в шелковой рясе, надушенный парижскими духами, ни во что не верующий; «это они заставили Гоголя сжечь том “Мертвых душ”» (если и приписывать о. Матфею Константиновскому столько влияния на классика, то уж во всяком случае монахом он не был: состоял в браке и имел детей); «они поучали в Оптиной пустыни Достоевского» (о. Амвросий! шелковая ряса и французские духи!), «они предлагали вразумить молодого Пушкина затвором в Соловках»^{15}, «они осуждали “Рефлексы головного мозга” Сеченова, полотна И. Н. Крамского и пьесы А. Н. Островского»^{16}. Никаких ссылок на соответствующие источники, кроме *собр. соч. В. И. Ленина*, не приводится по всему тексту.

Второй, еще более отвратительный тип – монах неученый: «Аскет с воспаленными от бессонницы глазами, оборванный и немывтый, в косматой бороде запутались клочья какой-то дряни... грамоты не знает и знать не хочет... плюет на пол... ко всему относится с отвращением... воля его ко “спасению души” закалена до полнейшего отвращения к людям, до презрения к ним, до радости при виде страданий другого». Есть наблюдение и о женских обителях: «Девушки мечтали приносить пользу обществу, а нужда загнала их в душные кельи, и вот белошвейки, кружевницы, вышивальщицы, портнихи работают на сторону, а игуменья забирает выручку, оставляя инокиням гроши»^{17}.

Автор «Черного воинства» черпает свои аргументы именно из церковных изданий XIX – начала XX века, абсолютно недоступных в советские годы массовому читателю, выворачивая наизнанку жития и наставления православных подвижников или цитируя критику монастырских нравов и порядков, на которую не скупилась сама монашествовавшая. Что же касается литературы светской^{18}, тут он, почему-то не заметив Белинского, считавшего монашеское уединение «чудовищным эгоизмом», всего и наскреб, что стишок из Н. А. Некрасова, дань друзьям – революционным демократам:

Не жнут, не сеют – кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное...

^{14} См.: Архиеп. Феодор (Поздеевский). Смысл христианского подвига. В кн. Жизнеописание. Избранные труды. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. С. 52–58.

^{15} В известных биографиях Пушкина (в том числе авторства Л. Гроссмана, очень советской, всячески усиливавшей революционные взгляды поэта), мысль о ссылке (разумеется, не о затворе) в Соловки или Сибирь приписывается Александру I, раздраженному намеком на отцеубийство в оде «Вольность». Посоветовавшись с директором лицея Энгельгардтом, царь смягчился, и Пушкин поехал на юг.

^{16} Речь идет всего-навсего о временных запретах государственной цензуры, к которой *ученые монахи* имели отношение весьма опосредованное: Цензурный Комитет подчинялся Синоду, а в Синоде заседали архиереи; конечно, они не вникали в последние достижения науки, живописи и литературы, доверяя специалистам Цензурного Комитета.

^{17} Г. Прошин. Черное воинство. М.: Политиздат, 1985. С. 123–124.

^{18} Со времени петровской секуляризации у нас постепенно сложились фактически две литературы – церковная и светская.

Что же, к слову, массовый читатель может почерпнуть о монашестве из русской классической литературы? Ведь и сегодня море церковных книг редко выходит из берегов церковных же лавок. С первой попытки вспоминается героиня прекрасного романа «Дворянское гнездо»: благодаря Лизе Калитиной поклонники тургеневских барышень до сего дня твердо убеждены, что в монастырь уходят исключительно от несчастной любви. Далее, смешной отец Сергей, alter ego Л. Н. Толстого; Зосима и Тихон у Достоевского, обратившегося к монастырю в поисках идеального персонажа, олицетворяющего чистоту, добро и правду; писатель доказывал: пламенная, самозабвенная вера, возвышая и преображая личность, может исправить и, наполнив христианским смыслом, преобразить грядущую человеческую историю.

Всегда находилось немало любителей порицать монашество: мир не смотрит на свои слабости, но зорко взирает на монашеские и малые недостатки.

Четырнадцатилетний Пушкин написал поэму «Монах», где изложил легендарный полет в Иерусалим верхом на бесе, описанный в житии святителя Иоанна Новгородского под 7 сентября. В «Борисе Годунове» с живым народным остроумием выведены веселые бродячие чернецы Мисаил и Варлаам: «Как утекли из монастыря, так ни о чем уж и не думаем. Литва ли, Русь ли, что гудок, что гусли: всё нам равно, было бы вино, да вот и оно!» Но в той же пьесе начертан другой образ:

Не сетуй, брат, что рано грешный свет
Покинул ты, что мало искушений
Послал тебе Всевышний...
...Я долго жил и многим наслаждался;
Но с той поры лишь ведаю блаженство,
Как в монастырь Господь меня привел^{19}.

Лермонтова мы уже цитировали – прекрасные слова из поэмы «Мцыри»; заучивают ли и сейчас в школе монолог этого послушника, воспитанного в монастыре: «О, я как брат обняться с бурей был бы рад!» и т. д.? Во цвете лет он собрался принять постриг, накануне бежал, изведал массу приключений и был найден через три дня уже при смерти. Исповедуясь, он жалуется на житье в мире «душных келий и молитв», кажущееся всякому далекому от монашества одним лишь тягостным лишением воли, как поется в известном претоскливом канте с финальной фразой: «За ворота отлучаться настоятель не велит».

Алексей Константинович Толстой пленился легендарным жизнеописанием дивного святого, Иоанна Дамаскина:

Тебя, безбурное жилище,
Тебя, познания купель,
Житейских помыслов кладбище
И новой жизни колыбель,
Тебя приветствую, пустыня,
К тебе стремился я всегда!
Будь мне прибежищем отныне,

^{19} А. С. Пушкин. Борис Годунов. М., 1939.

Приютом песен и труда!^{20}

Н. С. Лесков, считая всякую форму стеснением для духа, не любил монашества, поэтому с непревзойденным блеском написанные им сочные портреты архиереев и других представителей иноческого племени изображают чудаковатых вольнодумцев, маргиналов, как теперь говорят. Но недаром же могучая во всех смыслах фигура его любимого создания, *очарованного странника*, предстает читателю в подряснике, скуфье и монашеском поясе; «какой у меня самоничтожный дух и сколько я через него претерпеваю, а ничего не усовершеншаюсь»... Самое же монашеское рассуждение: «И даны были мне слезы, дивно обильные!.. всё я о родине плакал»... Он страдает тем же недугом, что и сам писатель, да и теперь многие православные: земное отечество затмевает ему отечество небесное: «Мне за народ очень помереть хочется...»^{21}. При всём том Лесков намеревался написать «образцовое житие русского святого» (Нила Сорского), «которому нет подобного нигде, по здравости и реальности его христианских воззрений»^{22}.

Кто бы мог подумать: сам Герцен, нехстати разбуженный декабристами, вспоминал «блестящую эпоху монастырей» и воспевал «людей с пламенной фантазией (!) и огненным сердцем, которые проводили всю жизнь гимнами Богу (!), которых обнаженные ноги сжигались знойными песками Палестины и примерзали к льдам Скандинавии», хотя феномен монашества привлекал его, в круге собственных теорий, только как жизнь «для идеи и общственности»^{23}.

Ведал кое-что по нашей теме и Чехов, упоминавший «предлинновенные душеспасительные разговоры, которые так любят праздные и скучающие монахи». В рассказе «Святою ночью» помещено вполне грамотное руководство к составлению акафистов, принадлежащее любителю этого занятия, иеродиакону, умершему на Пасху. Рассказ «Убийство» – о неразумном подвижнике, с детства приверженном к *леригии*, – хоть в «Добротолюбие» помещай: «Весь пост не разрешал себе масла отнюдь, а в среду и пятницу вовсе ничего не вкушал... вставал по ночам и поклоны бил, камни тяжелые таскал с места на место, на снег выходил босиком, ну и вериги тоже»... А в «Барыне» задета животрепещущая ныне тема скользких взаимоотношений со *спонсорами*, которых тогда именовали менее неприязненно – благодетелями.

И у Бунина есть любопытный персонаж в рассказе «Чистый понедельник»: она, красавица восточного типа, завораживает кавалера роскошными туалетами и эксцентричными выходками в декадентском стиле *Серебряного* века; задумчиво молчит, изъясняется загадками; наконец, в последний день Масленицы, после изысканного обеда в шикарном ресторане, совершает запланированное падение, а утром исчезает... оказывается, в монастырь; в том вроде и состояла тайна её. Для тонкого мастера, каков Бунин, столь пошлый по ложности мотивировок вымысел можно объяснить лишь отсутствием всякого понятия о путях и поводах к монашеству.

Гоголь, как известно, хотел стать монахом; Розанов считал его вполне вообразимым в монашестве, как Лермонтова, Достоевского и – с оговорками – Л. Толстого; подобная мысль не чужда была и *солнцу русской поэзии*:

Туда б, в заоблачную келью,

^{20} А. К. Толстой. Иоанн Дамаскин. В сб. Стихотворения. Царь Фёдор Иоаннович. Тула, 1979. С. 187.

^{21} Н. С. Лесков. Собр. соч.: В 12 т. М., 1989. Т. 2. С. 334, 336.

^{22} Цит. по сб.: Макариевские чтения. Можайск, 2003. С. 518.

^{23} Цит. по: Архиеп. Феофор (Поздеевский). Жизнеописание. Избранные труды. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. С. 125.

В соседство Бога скрыться мне! –

точнее, кажется, не выразить самую суть устремления к монашеству: в соседство Бога.

Просто христианство

*...Вы презрели и умалили пустыню.
Пустыня не в отдаленных тропиках,
Пустыня не за углом,
Пустыня притиснута к вам в вагоне метро,
Пустыня в сердце вашего брата...*

Т. С. Элиот^{24}

Существует мнение, что монашество есть просто христианство^{25}, просто осуществление евангельских идей: девства, нищеты и обособленного жительство, неважно – в монастыре или в миру, т. е. спастись можно и даже предпочтительнее, ввиду гибельности современных обителей^{26}, в миру, но при одном условии: жить как монах. В рамках этой концепции мирской вариант – брак и семья – признается образом жизни ветхозаветным, т. е. низшим, облегченным в сравнении с новозаветным – монашеским. Так считал, например, святитель Григорий Богослов: «Возможны два состояния: супружество и непорочность, и одно выше и богоподобнее, но труднее и опаснее, а другое ниже, но безопаснее»^{27}.

Святитель Игнатий различает путь посреди мира, доставляющий спасение – при условии веры во Христа, исполнения заповедей Божиих и врачевания покаянием недостатков в исполнении заповедей, – и монашеское жительство, доставляющее совершенство: следование Спасителю, сильное подражание тому роду жизни, который проводил Господь во время Своего земного странствования, т. е. самоотвержение, отречение от имени и близких, удаление от людей^{28}.

Иная точка зрения видит единую евангельскую истину, освящающую оба способа человеческого существования, два вида служения, которые вместе выстраивают полноту Воплощения^{29}. Православие не знает западного разграничения: *consilia* – мирянский вариант спасения по евангельскому совету и *praeserta* – монашеский, по заповедям^{30}. Царство Небесное, по слову Господа, внутри нас есть, напоминает преподобный Никита Стифат, пустыня излишня, когда мы и без нее входим в царство, через покаяние и всякое хранение заповедей, возможное на всяком месте владычества Божия^{31}.

Брак не означает снисхождения к слабости неспособных к монашеству; напротив, Григорий Палама уверял, что жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брач-

^{24} Перевод А. Сергеева.

^{25} См.: В. М. Лурье. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб., 2000.

^{26} Там же. С. 159–160. Автор предвещает скорую *деинституализацию* монастырей, ссылаясь на одно из «Писем к друзьям» М. А. Новоселова, датированное 2 декабря 1923 г., когда верующие единодушно предчувствовали наступление конца света буквально со дня на день. Новоселов цитирует подходящие к случаю слова святителя Игнатия: «В наше время монастыри находятся в ужаснейшем положении»... и т. д. Корректно ли, спустя полтора века, приравнивать наше время ко времени святителя Игнатия? Хуже оно или лучше, каждое время несет свое бремя. Тот же святитель Игнатий в том же месте призывал понимать дух времени. Кстати сказать, на с. 152 В. М. Лурье приводит высказывание святого Антония Великого, из которого следует, что и преподобный Антоний считал свое время (IV век) последним. В каком-то смысле так оно и есть: отсчет конца начался с пришествия Христова, что, однако, не помешало возникновению и развитию монашества.

^{27} Свт. Григорий Богослов. Собрание творений. М., Минск, 2000. Т. 1. С. 215.

^{28} Свт. Игнатий (Брянчанинов). О монашестве. Собр. соч. М., 2001. Т. 1. С. 530–531.

^{29} П. Евдокимов. Православие. М., 2002. С. 37.

^{30} П. Евдокимов. Этапы духовной жизни. М., 2003. С. 119.

^{31} Преподобного Никиты Стифата первая деятельных глав сотница. Добротолюбие. Указ. изд. Т. 5. С. 101.

ной^{32}, а священномученик Иларион (Троицкий) считал монашество уделом слабавольных, нуждающихся в зароке, обете, чтобы связать себя дисциплиной^{33}; то же мнение неоднократно высказывал и о. Иоанн (Крестьянкин): сильные христиане живут в миру, а слабые в монастыре.

С другой стороны, монашество, конечно, не является следствием непригодности к браку, уклонением, в трактовке некоторых *белых* священников, от тяжести семейного креста. Не имеет ничего общего с реальностью изображаемое фантазерами этокое бесстрастное, полумертвое существо, отвергающее всё мирское, включая интересы отечества, и равнодушное ко всему земному, включая родственников.

Избирая пустыню, монашество вовсе не враждует с миром, а поддерживает его, и не только любовью, выражаемой в молитве. Преподобный Феодосий Печерский обличал, мирил и поучал князей, ходил в суд заступаться за обиженную вдову, построил дом для безродных, возил хлеб в тюрьму и в голодное время открывал кладовые для крестьян. Умением успокаивать спорящих и прекращать распри *владельческих* славилась св. Евфросиния Полоцкая. Преподобный Сергей прошел пешком двести верст ради встречи с князем Олегом Рязанским, и после беседы тот, *преложив свирепство на кротость*, помирился с Дмитрием Донским, что, при раздробленной власти, несомненно, имело громадное политическое значение.

Святой Кирилл Белозерский с простотой чистого сердца предлагал московскому и другим князьям проект всеобъемлющей правительственной программы по улучшению нравов. Преподобный Григорий Пельшемский, оставив монастырь, специально пришел в Вологду, захваченную Дмитрием Шемякой, и едва не лишился жизни за велегласное порицание нечестивого князя. И сегодня: монашествующие берут под свое покровительство разоренные колхозы^{34}, дают работу у себя на строительстве, содержат детские приюты^{35}, кормят бомжей, реабилитируют алкоголиков и наркоманов и наставляют на путь истинный губернаторов и депутатов Госдумы.

Те, кто никуда не уходит, тоже призваны; Евангелия даны и оженившимся^{36}, полагал святой Василий Великий; супружество не увольняет от долга преодолеть страсти и очищать от них свое сердце, а также терпеть телесную болезнь, недостаток необходимого, бесславие, ущерб имения, потерю родных, притом необходимо сохранить душу не униженной в прискорбных обстоятельствах и не превознестись гордостью в положении блистательном^{37}.

Избирая пустыню, монашество вовсе не враждует с миром, а поддерживает его, и не только любовью, выражаемой в молитве.

^{32} Добролюбие. Paris, YMCA-PRESS, 1988. Т. 5. С. 262.

^{33} См. в кн.: Без Церкви нет спасения. М., СПб., 1998. С. 243.

^{34} Конечно, ни в одном уставе, ни в истории монастырей ничего подобного не найдешь. Но ведь диктуют обстоятельства, за неотвратимостью которых просматривается воля Божия: «Мы создали небольшой скит в Рязанской области... К нам пришли крестьяне из соседней деревни Слободка и сказали: Отцы святые, возьмите нас хоть крепостными, мы четыре года не получали зарплату, нас 800 человек и мы не знаем, как дальше жить...». См. беседу с настоятелем Сретенского мужского монастыря архимандритом Тихоном (Шевкуновым) в газете «Татьянин день», ноябрь 2004. С. 24.

^{35} Руководство милиции Наровчатовского района Пензенской области связало существенное снижение подростковой преступности с деятельностью Троице-Сканова женского монастыря, который организовал летний трудовой лагерь и четыре воскресные школы при храмах (интернет).

^{36} Творения иже во святых отца нашего Василия Великого. М., 1991. Ч. 5. С. 39.

^{37} Цит. по: Архим. Илия (Рейзмир). Учение святителя Василия Великого о духовном совершенствовании. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. С. 55–56.

Миссия их – пешись о мире, который возлюбил Бог^{38}, быть Его посланниками, проповедовать православие, занимаясь наукой, искусством или ремеслом, облагораживать повседневный труд, всякое дело возводя на высоту христианства, нести окружающим радость веры и надежды, наконец, созидать семью как домашнюю церковь и воспитывать детей, будущих воинов Христовых. Живущим *среди сетей*, имеющим пред глазами побуждения ко грехам, требуется, конечно, больше осторожности и сил в ратоборстве с врагом^{39}.

При различии образа жизни различны, конечно, и *наказания*, то есть научения Божии в виде трудностей и испытаний: монах не тревожится о прокорме домочадцев, его не давит миллион мелких материальных забот, его не теребит жена, у него не болеют дети и он искренне считает, что скорбей, которые терпят семейные, ему не понести; и наоборот, оставшиеся в миру считают неподъемным для себя тяжкое монашеское бремя, хотя за отсутствием опыта не имеют ясного понятия, в чем оно состоит.

Пафнутий-отшельник, муж великий и добродетельный, после долгих лет сурового подвига просил Бога открыть ему, кому из святых он уподобился; ангел назвал ему флейтиста, живущего в городе, бывшего разбойника, пьяницу и развратника: он выручил из беды двух беспомощных женщин и тем обрел милость у Христа. Еще через годы, проведенные в еще большем воздержании, Пафнутий задал небесам тот же вопрос и получил указание на старосту соседней деревни, добродетельного в семейной жизни, питающего странников и соблюдающего всякую справедливость при исполнении своей должности.

В третий раз в пример пустынноку привели александрийского купца, прибывшего с сотней кораблей из верховьев Фиваиды и раздававшего имущество и товары нищим и монахам^{40}. Русская Церковь освятила равночестность обоих путей к спасению канонизацией множества мирян: князей, воинов и милосердных замужних женщин, угождавших Богу, понынешнему говоря, социальным служением.

Святой Максим Исповедник утверждал: не то что любить всякого человека, но даже перестать ненавидеть невозможно, если не отторгнуть, не презреть всё земное.

А вот пример о возможностях духовного преуспевания из наших дней. Когда-то А. благополучно вышла замуж, родила чудную девочку; безоблачная жизнь семьи нарушилась психической болезнью ребенка; тогда-то А. обрела веру, и путь ее определился в ежедневной, ежечасной страже при этой болезни; дочку за тридцать лет совместных страданий ни разу не сдавали в больницу. Божии уроки состояли в том, чтобы просто терпеть: как бы она ни ругалась, ни оскорбляла, ни дралась – не отвечать и малейшим раздражением, а прижимать дитя к груди и приговаривать: ты моя родная... ты моя дорогая девочка... Завершая свою повесть, А. вскользь, без всякого пафоса тихонько проронила: «Зато теперь все люди – мои...». Между тем святой Максим Исповедник утверждал: не то что любить всякого человека, но даже перестать ненавидеть невозможно, если не отторгнуть, не презреть всё земное. Вот и пустыня – без монастыря.

Премудрость Промысла назначает каждому меру соответственно личностному своеобразию. Только Господь ведаёт начала и концы, прошлое и будущее; только Он подлинно знает каждого человека с его генетикой и индивидуальностью, физическими силами и душевными возможностями, общественным темпераментом и внутренними устремлениями, эмоциями,

{38} Ин. 3, 16.

{39} Свт. Василий Великий. Указ. изд. С. 39–40.

{40} История египетских монахов. Православный Свято-Тихоновский богословский институт. М., 2001. С. 61–65.

ошибками и страстями, и только Он определяет путь, на котором личность, исполняя Его задание, обязана раскрыть в себе образ Божий и умножить таланты^{41}.

^{41} Мф. 25, 15–28.

Пустите детей...

*Есть на море пустынном монастырь
Из камня белого, золотоглавый,
Он озарен немеркнувшею славой.
Туда б уйти, покинув мир лукавый,
Смотреть на ширь воды и неба ширь...
В тот золотой и белый монастырь!*

Н. С. Гумилев

Человеческое рассуждение объясняет возникновение монашества в IV веке, во-первых, прекращением гонений: жаждущие пострадать за Христа уже не находили места подвигу в благополучном, могучем, процветающем государстве и бежали в пустыню; во-вторых, обмирщением Церкви, куда хлынули толпы жителей империи, переставших бояться преследований за христианство.

Но ведь и прежде случались подобные поступки и положения: праотец Авраам, покидая отчий дом, верою повиновался призыванию^{42}; к пророку Илии церковная служба прилагает терминологию, обычно употребляемую в отношении монахов: «во плоти Ангел и безплотен человек». Боговидец Моисей изведен в пустыню задолго до Антония Великого. Иоанна Крестителя монашествующие во многих поколениях считают своим предшественником и покровителем^{43}. Во все времена, очевидно, происходило одно и то же: Божие призывание обращалось к тому, в ком не сомневалось встретить соответствующее расположение.

Множество преподобных покидали мир, *Спаса Христа измлада возлюбивши*. Святая Евпраксия проявила волю остаться в обители, будучи семи лет, Макарий Каневский поселился в Овручском монастыре девяти лет, Иов Почаевский принял постриг двенадцати лет; тот же возраст указывается в житиях святых: Ионы, будущего митрополита Московского, Макария Желтоводского и Макария Глушицкого; четырнадцати лет стали монахами святые Феодор Освященный и Андрей Критский; в шестнадцать лет покинул мир преподобный Герман Аляскинский.

Одному Господу ведомыми судьбами является желание монашества. «Из любви к Богу, говорите? – задумчиво рассуждал один батюшка^{44}. – Ну, Бога-то и мы любим, все христиане... Нет, надо еще и это любить...» – и он показал сначала на клобук, а потом обвел рукою весь монастырь. Трогательный пример собственного опыта описан владыкой Иосифом (Черновым): «Восьми лет увидел: в задней части церкви кто-то стоит, обошел – а-а! – это человек, на нем мантия была и клобук. Тут я в монастырь влюбился навсегда. Это была моя первая любовь восьми лет. Полюбил монашество я»^{45}.

^{42} Евр. 11, 8.

^{43} Иоанн Креститель принимал живое участие в жизни монахов Палестины, он был для них игуменом, наставником и заступником. В «Луге духовном» (репринт издания Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. С. 6–7) приводится умиленный рассказ об измученном плотской бранью подвижнике Кононе (VI в.), который решил покинуть монастырь. Встречает его Иоанн Креститель и кротко говорит: «Возвратись в монастырь, и я избавлю тебя от брани». Конон же ответил с гневом(!): «Будь уверен, ни за что не вернусь! Ты не раз обещал мне это и не исполнил своего обещания!» С прежней кротостью великий Иоанн объясняет: «Я желал, чтобы ты получил награду за эту брань, но так как ты не захотел, я избавлю тебя... Но вместе с тем ты лишаешься и награды за подвиг».

^{44} Прот. Николай Агафонов, автор замечательных рассказов в сб. «Преодоление земного притяжения». Самара, 2004.

^{45} Свет радости в море печали. М., 2004. С. 9.

Преподобномученик Корнилий мальчиком побывал с другом семьи Мисюрем Мунехиным в Псковских Печорах; его пленили красота природы и тихая служба в пещерном храме. То же в точности – в роли Мисюря выступил товарищ по техникуму – повторилось с А. П., теперь архимандритом: только-только обратившись, он приехал в Печоры, и там сразу определился путь.

Случаи прекрасной решимости бывают и в наше время: А. убежала в монастырь на Украине пятнадцати лет (1994); почему – не говорит, «сама не знаю», улыбается загадочно. И., теперь иеромонах, окончив институт, сговорился с компанией на охоту; случайно набрел на женский скит, только что открывшийся недалеко от города; зашел в храм, шла служба, читком, без священника; ощутил непонятную жалость и что-то еще, совсем для себя новое; тем же летом он продал ружье, отдал деньги скитницам и отбыл в монастырь.

У нас в большой моде стенания о заведомой неосуществимости монашества в нынешнем мире; притом нет чтоб сказать «я не могу»; утверждают: нашему времени не дано.

Святые Арсений Великий, Иоанн Дамаскин и Симеон Новый Богослов происходили из знатных семейств, получили соответственное образование, достигли положения царедворцев; они оставили роскошные палаты, чтобы поселиться в пещерах и питаться хлебом с водой в безлюдье, молчании, бедности. И наши преподобные, например Нил Сорский, Гавриил Пельшемский, Ферапонт Можайский, Корнилий Комельский, Михаил Клопский, Феодосий Тотемский, Кирилл Белозерский, Иоанн Угличский, Галактион Вологодский, ни во что вменили аристократическое происхождение, богатство и комфорт, отдав предпочтение лесным шалашам, землянкам и самодельным хижинам – в северных пределах России, а не в знойных песках Египта и Палестины.

Соображения осторожности, благоразумия, собственной слабости не довели, не останавливали: «Сколько было препятствий!.. самое тело вопияло мне: куда ведешь меня? Я так слабо и болезненно... Но был голос, голос в сердце, думаю, голос совести или, может быть, Ангела Хранителя, сказывавшего мне волю Божию: потому что голос был решителен и повелителен»^{46}.

Тянуть опасно, потому что, предостерегает святитель Феофан, Господь зовет-зовет, да и замолчит, и от этого не только желание в монастырь погаснет, но само желание душу испарится, и будешь миряночкой до мозга костей^{47}. К. в свое время тоже слышала зов, и собиралась, и часто ездила в обитель, но приняла чей-то практичный совет: *поживи* сперва, в монастырь всегда успеешь; тут жестряслась безумная любовь, а когда через год чад развеялся, К. осталась одна с растерзанной душой и ребенком; тяга к монастырю живет в ней, как зубная боль, она пыталась исправить судьбу, подбросив сына сестре, но остановил тихий вопрос духовника: «И что, надеешься так спастись?..»

А преподобный Симеон Новый Богослов повествует о счастливице Георгии: в двадцать лет повезло ему встретить мудрого монаха, от которого он получил веру, правило и книжицу святого Марка Подвижника; юноше понравилось молиться, он делал много поклонов, проливал обильные слезы, приносил искренние воздыхания – и удостоился, к собственному изумлению, вышней радости, «божественного осияния»; но, не расценив великую милость Божию как залог и побуждение к удалению от мира, вскоре уступил случившимся искушениям и «впал в совершенное омрачение, словно никогда не слышал слов Христовых». Падение длилось около девяти лет! Свое избавление от «пагубы» он объяснял только молитвенным заступлением святого старца.

^{46} Свт. Игнатий (Брянчанинов). Собр. соч. М., 2001. Т. 1. С. 638.

^{47} Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. М.: Паломник, 1994. С. 202.

Сегодня, когда повсюду доминирует физиология, сложилось мнение, что семь раз отмерить мало: надо попутешествовать по монастырям, изучить условия, разузнать про климат, устав, трапезу, взвесить свои силы. При этом рекомендуют^{48} обратить пристальное внимание на ряд вопросов, в частности:

- имеется ли духовник (предпочтительно монах), способный к полезному назиданию;
- имеются ли насельники, служащие примером благочестивой жизни;
- соответствуют ли взгляды игумена (игумении), духовника и братии учению святых отцов (затруднительно вообразить, каким путем приезжий паломник станет испытывать взгляды настоятеля);
- предоставляет ли монастырь время и возможность молиться и читать творения святых отцов;
- разумны ли порядки в монастыре: нет ли излишней строгости или, наоборот, излишней свободы для насельников;
- не обременяет ли монастырь насельников непосильным множеством хозяйственных и экономических хлопот;
- проявляют ли в монастыре должную заботу о здоровье насельников.

Ищущий обитель со списком подобных требований обретет покой разве в элитном санатории, правда, за большие деньги и без примеров благочестивой жизни; кроме тенденции спастись с комфортом интересна мысль насчет настоятелей монастырей, «обязанных предоставить» полноценное питание, комфорт, беструдное житьё, а плюс к тому безупречную святоотеческую духовность. Еще преподобный Феодор Студит говорил на эту тему: сами ничего не принесли в обитель, а подай то и то... Бывало, конечно, в XIX веке, богатые вдовы-генеральши ладили собственные общинки, а синодальные чиновники проверяли, наличествует материальное обеспечение или имеет место каприз замолвившейся барыни; а нынешние настоятели (настоятельницы), брошенные на руины за послушание, жалованье получают или кому-нибудь должны больше, чем насельники?

Между тем некоторые всерьез усваивают подобные рекомендации и с порога занимают позицию делающего великое одолжение, словно редкостный специалист перед работодателем; постоянно недомогая, они носят хвори как знак отличия, не способны к труду: ничего не умеют и не хотят; не могут рано вставать, настаивают на особом питании: «врачи сказали забыть о постах»; подчиняются только своему духовнику, которого регулярно посещают, неделями отсутствуя в монастыре, а святых отцов штудируют преимущественно лёжа в постели, записывая подходящие выдержки прямо на обоях, которые недавно в поте лица клеили другие сестры.

У нас в большой моде стенания о заведомой неосуществимости монашества в нынешнем мире; притом нет чтоб сказать я не могу; утверждают: нашему времени не дано, получается, обделили нас по причинам историческим, нам не известным и от нас не зависящим. Архимандрит Софроний, автор «Старца Силуана», считал такие сетования ересью: «Христос всегда один и тот же, и благодать неизменно подается взыскующим ее»^{49}.

^{48} После раздумий вышло решение не называть авторов, высказывания которых побуждают к полемике, чтобы не переходить на личности и не умножать бесконечные ожесточенные споры, и без того преизбыточествующие в церковном мире. Но как здесь, так и далее цитируемые высказывания приводятся в точности.

^{49} Лет тридцать назад имели хождение устные повествования о героических личностях, в советское время возжелавших пустынножительства и безмолвия. Они нелегально селились на Кавказе, в труднодоступных горах; обходились ничтожными средствами: одному бывшему ученому-физику родители посылали 20 рублей в месяц, это рублей, наверное, 500–600 на теперешние деньги. Кое-что, если удавалось, выращивали; ютились в самодельных хижинах, даже в дупле дерева, как древние. Беззащитные перед стихиями, местными разбойниками и гонением атеистической власти, они уповали единственно на помощь Божию и нередко удостоивались чудес: рассказывали, например, о молодой инокине, к которой приходили звери, чтобы согреть в холодные ночи, и приползали змеи, чтобы согреться ее теплом. Эти подвижники поразительно быстро получали благодать *самодвижной* молитвы и *выбрасывали четки*, как уже лишний инструмент. Многое из их быта можно узнать из книги монаха Меркурия «В горах Кавказа». М.: Паломник, 1996.

Но и значительно раньше утверждал святой Максим Исповедник: имеющий истинную веру во Христа имеет в себе сокращенно все дары Божии; некоторые не знают об этом по нерадению об исполнении заповедей и думают, что не могут иметь даров Духа Святого. Вот в чем беда: мы не проявляем деятельной любви, которая показала бы божественные в нас сокровища, и потому справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих, то есть остаемся без плода по безделью нашему^{50}.

Мы не проявляем деятельной любви, которая показала бы божественные в нас сокровища, и потому справедливо почитаем себя чуждыми даров Божиих, то есть остаемся без плода по безделью нашему.

В самом деле, разве мы испытывали день за днем такие средства, как бдение, пощение и на земле легание? разве подвизались до крови? разве свершили свой подвиг самоотречения? разве хотя бы просили с верою?^{51} разве любили и жаждали Бога больше жизни? разве поверили, что удаление от мира дарует прибежище у Христа?^{52} Как бы хорошо вместо жалоб на худые времена признать собственную нашу глубочайшую, универсальную испорченность, которая и порождает всяческую немощь; тогда получаем шанс ну хоть на жалость Божию – за честность, по Лествичнику: кто слаб телом, тот да шествует путем смирения.

^{50} Прп. Максим Исповедник. Четвертая сотница о любви. Добротолюбие. Указ. изд. Т. 3. С. 223.

^{51} Иак. 4, 2.

^{52} Феодипт, митрополит Филадельфийский. Добротолюбие. Указ. изд. Т. 5. С. 163.

Не озирайтесь вспять!

*Так всех нас в трусов превращает мысль,
И вянет, как цветок, решимость наша
В бесплодье умственного тупика,
Так погибают замыслы с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств.*

У. Шекспир. Гамлет^{53}

Бытует мнение, что непременно необходимо получить на уход в монастырь благословение от духовника, а лучше от старца. Иногда игуменнии даже спрашивают, кто прислал; одна девочка чистосердечно поведала: священник на исповеди устало вздохнул: шла бы ты, милая, в монастырь... что тут хорошего – трамваи, машины, вонь, гарь, вода хлоркой пахнет... киллеры кругом, воры... Чем не благословение!

А вот Л. поехала в лавру, собравшись в монастырь по достижении, ради близких, пенсии, и услышала: мать, кому ты нужна, там вкалывать нужно, а ты старая уже...

У нее язык *прильпе* к гортани, и не смогла выговорить, что шесть лет каждый праздник и отпуск проводит в монастыре, там ее знают и согласны принять... Плачет, продолжает ездить в монастырь, но живет дома – не благословили! Когда хочешь принять благословение, надобно смотреть, имеет ли право благословлять обещающий благословение и как и в какой степени получил он это право^{54}.

История монашества содержит не так уж много примеров предварительного обращения к духовнику; Александр Гренков, будущий преподобный Амвросий Оптинский, ездил к старцу Илариону Троекуровскому, но и получив конкретное указание, даже с направлением, еще долго, по собственному выражению, жался. Так же знаменитая Горицкая игуменья Феофания (Готовцева): годы прошли от благословения до исполнения. Гораздо чаще будущие святые уходили, если достоверны жития, внезапно, прямо с того места, на котором настиг Божий зов, не советуясь с плотью и кровью^{55}. Преподобный Кириак, когда за литургией до него дошли слова Спасителя *аще кто хочет по Мне идти...*^{56}, не заглянув домой, побежал к пристани и на первом корабле отплыл из Коринфа в Иерусалим.

Когда хочешь принять благословение, надобно смотреть, имеет ли право благословлять обещающий благословение и как и в какой степени получил он это право.

Симеон Столпник так же внезапно удалился, однажды *услышав* заповеди блаженства. Поразительного случая касается блаженный Августин в «Исповеди»: тайный осведомитель, из придворных, во время прогулки набрел на хижину, где нашел книжку, жизнеописание преподобного Антония, немножко почитал и тут же принял решение: ожидавший его почетный титул «друга императора» променять на звание друга Божия – в монашестве. Святитель

^{53} Перевод Б. Пастернака.

^{54} Слова свт. Филарета, митрополита Московского. В кн.: Принадлежу всем вам. Жизнеописание игуменнии Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой). М., 2003. С. 99.

^{55} Гал. 1, 16.

^{56} Мф. 16, 24.

Гурий Казанский переосмыслил жизнь, находясь в темнице; обнаружив однажды дверь незапертой, он без всяких духовников прямоком отправился в Иосифо-Волоцкий монастырь.

Далее, монастырь советуют выбирать уже благоустроенный и не бедный, чтобы в нем не преобладала *борьба за выживание* и тяжкие в связи с этим труды; т. е. рекомендуется отдавать предпочтение уже обустроенному, восстановленному, как правило, исторически знаменитому монастырю, чтобы греться в лучах былой его славы, жить, как предвещал св. Антоний Великий, не в вертепах и хижинах, а в великолепных зданиях... заботиться о роскошных яствах... величаться отцами своими. В то же время ни в коем случае не должно быть материальной зависимости от спонсоров, потому что последние, вмешиваясь в монастырский уклад, нарушают его, да и деньги их неизвестно какого происхождения.

Наконец, считается, что надо уходить постепенно. Понравился монастырь – поездить туда, сначала на три денечка, потом задерживаться на неделю, месяц, квартал, пока не пожелаешь остаться навсегда. Вероятно, можно и так, зависит от темперамента, но встречается редко. Е., собравшаяся в Пюхтицу (1979), ни о чем таком не размышляла: «Только бы взяли! Господи, только бы взяли!»... В самом деле: если горит сердце, уместны ли далеко простирающиеся расчеты – хватит ли средств, сил, энтузиазма, словно собираешься мебель покупать или отпуск проводить за границей.

В былые времена при выборе монастыря думали не об удобствах; «искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали – в Саровской пустыни... Нет, еще слабо; пошли к о. Феодору в Санаксар, обитель без ограды, забором огорожена, церковь маленькая, волоковые окошки, внутри и стены не отесаны, и свеч-то не было: с лучиной читали в церкви»^{57}...

Испрашивали воли Божией: митрополит Николай (Могилевский) рассказывает, как он, в самом начале XX века, решал проблему выбора: купил толстую книгу с описанием российских монастырей, помолился: да направит Господь Сам, куда Ему угодно; с тем и лег спать. Утром задел книгу, она упала и раскрылась на Нило-Столобенской пустыни.

Многочисленные и многообразные разглагольствования о плохих временах, духовном оскудении и болезнях монашества всегда вуалируются и облагораживаются цитатами из сочинений епископа Игнатия (Брянчанинова). Кто бы ни обрушивался на монашество, прогрессисты в XIX веке, атеисты в XX или особенно пессимисты в XXI, неизменно в качестве сокрушительной дубины используют имя и слово святителя Игнатия.

Но почему бы для равновесия и объективности не обратиться к другому свидетелю того же ранга и того же времени – к епископу Феофану: «Говорить, что монастыри потеряли свое значение – грешно. Это ложь... Подите в какой угодно монастырь, по внешнему виду там всё чинно, а так ли и внутри – про это кто может говорить? один Бог и совесть живущих в монастыре; сторонние судители о сем не избегают греха несправедливого осуждения и клеветы... Я полагаю, что ни одной монахини и ни одного монаха не найдете, который совсем не имел бы заботы о внутреннем добром настроении... но успех не у всех одинаков»^{58}.

Да и святитель Игнатий, признавая, что «ослабела жизнь иноческая, как и вообще христианская», тем не менее утверждал: «Еще монастыри как учреждения Святого Духа испускают лучи света в христианство; еще есть там пища для благочестивых; еще есть там хранение евангельских заповедей; еще там – строгое и догматическое и нравственное правослабие; там, хотя и редко, крайне редко, обретаются живые скрижали Святого Духа» (заметим в скобках, что общепризнанные «живые скрижали Святого Духа» не столь уж часто обретались во всю историю монашества и христианства).

^{57} Архим. Феофан Новоезерский. Цит. по: И. М. Концевич. Оптина пустынь и ее время. М., 1995. С. 62.

^{58} Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. М.: Паломник, 1994. С. 197–198.

Тенденциозный подбор цитат может создать впечатление, что епископ Игнатий, разочаровавшись в современном ему монашестве, признавал ошибочным юношеский выбор, порицал монастыри в принципе, а их быт считал лишь объектом для критики. Но это совершенно не так! Святитель всем сердцем любил иноческие обители: «Воинство духовное! Да снизойдет на вас благословение неба за то, что вы возлюбили небо!.. Братия! Благую часть вы избрали! Не озирайтесь вспять, не привлекайтесь снова к миру... держитесь этого пристанища!»^{59}. Сам он пребыл в монастыре до смерти, хотя, как аристократ по рождению и епископ на покое, вероятно, мог избрать для жительства что-нибудь более комфортабельное, уж, конечно, не устранившись покинуть «неверную» стезю, если бы посчитал ее таковой.

И нельзя же Оптину, Валаам, Бородино и другие монастыри, высокое значение которых засвидетельствовано современниками и историей, считать лишенными монашеского делания, истлевшими нравственно, бездуховными^{60}, основываясь на предпочтении одного мнения; самое восторженное почитание святого не исключает, как известно, его человеческих недостатков, а иногда заблуждений, и почему не признать: епископ Игнатий шел далеко не обычным путем, который, даже зная конечный результат, вряд ли кто порекомендует к повторению: сменил в короткое время несколько обителей, неудовлетворенный то многолюдством, то окружением, то питанием, то климатом; в двадцать пять лет, не пройдя школы послушания, стал, при вмешательстве сильных мира сего, настоятелем, а затем устремился покинуть вверенное ему стадо по причине наветов и неприязней.

В былые времена при выборе монастыря думали не об удобствах; искали, где бы жестокая жизнь была, подольше службу выбирали, испрашивали воли Божией...

Автор жизнеописания объясняет «сословными свойствами, вплоть до кастовой отдельности», такие черты его характера, как всегдашнее стремление к самостоятельной деятельности по собственным убеждениям и мыслям, независимо от постороннего влияния^{61}. В самосознании духовно гениальной личности заключена разгадка его особенностей, одиночества и неприступности для понимания. Здесь же причина бесплодности поиска им старцев: их нет, потому что души созвучной, конгениальной и в то же время являющей желательное в наставнике неоспоримое превосходство и впрямь не обретается.

^{59} Свт. Игнатий (Брянчанинов). Собр. соч. Указ. изд. Т. 1. С. 640, 515.

^{60} Душа ну никак не хочет довериться высказываниям святителя о современном ему русском монашестве! Святость, как известно, не исключает человеческих ошибок, в данном случае породивших недоразумение, ставшее от частого повторения чуть ли не аксиомой. Например, монах Иаков в книге «Созидатели Руси», соглашаясь с оценкой русского иночества, высказанной в письме епископа Игнатия (№ 49 (111, 18) от 4 февраля 1864 года (см.: Собр. соч. Т. 7. М., 2001. С. 67), цитирует: «Существует по некоторым местам телесный подвиг, и то более на показ людям. О. Макарий Оптинский решительно отвергал умное делание, называя его причиною прелести, и преподавал одно телесное исполнение заповедей (nota bene: как возможно *телесное* исполнение заповедей?). Св. Исаак Сирский говорит, что телесное делание без душевного – сосцы сухие и ложесна бесплодны; это видно на воспитанниках Оптиной пустыни» (!). Святитель Игнатий знал преподобного Макария со времен своего недолговременного пребывания в Площанской пустыни зимой 1829 года. Димитрию Брянчанинову – 22 года; о. Макарию – 41, он уже девятнадцать лет монах и проходил обучение молитве, между прочим, у иеросхимонаха Афанасия, непосредственного ученика преподобного Паисия (Величковского). Возможно, о. Макарий и пытался предостеречь новоназначенного, следуя святоотеческому завету: *аще видишь юна, в небеса возносящася, верзи его за ногу на землю*. Письма же о. Макария ясно указывают и на знание им святоотеческих воззрений, и на личную опытность в прохождении сокровенного поучения: «Молитва умная есть высша всех деланий, по слову св. Григория Синаита... Нынче много издано книг о сем делании, но надобно проходить оное с наставником, а не самочинно... Молитвою Иисусовою нужно молиться всем и отгонять помыслы, но не искать ничего, кроме помилования; а Господь, давая молитву молящемуся, даст и умную молитву, по слову Петра Дамаскина; а то у врага много подсад подвижников оболыщать под видом истины ложными действиями» (Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского. Свято-Введенская Оптина пустынь, 1997. С. 317). Эта маленькая выписка содержит совершенно те же положения об Иисусовой молитве, которые проповедовал сам святитель Игнатий, и, кажется, исключает обвинения в предпочтении внешнего внутреннему. То же можно сказать и о преподобном Феофане Новозерском, житие и писания которого опровергают аналогичную характеристику, данную ему святителем Игнатием.

^{61} Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского. М., 2002. С. 162.

Конечно, святой владыка, благодаря своей образованности и культуре, яснее других понимал несоответствие наличной монастырской действительности святоотеческому идеалу: он знал покаяние и ощущал это несоответствие в себе самом; его чуткая, нежная, тонкая душа страдала и плакала от боли. О. Георгий Флоровский указывает на сопротивление святителя Игнатия мистическим влияниям Александровской эпохи, проникнутой прелестной, мнимой, не трезвой, торопливой духовностью, отравленной гордыней; но странным образом черты той же эпохи отразились и в его личном облике: этим, может быть, объясняется вся резкость его отрицаний: борьбой с самим собою^{62}.

Тот же автор приводит свидетельство иностранца, путешествовавшего по России и побывавшего в 1840 году в Сергиевой пустыни. В. Пальмер цитирует резкие критические замечания настоятеля архимандрита Игнатия по поводу лицемерного православия и даже мертвости Церкви, сохраняющей лишь хорошую внешность, символы и обряды. Но обвинения касались лишь белого духовенства, зараженного духом еретического либерализма^{63}. Святитель, несомненно, всегда отдавал предпочтение монашеству, верному святоотеческой традиции, и, «приближаясь к концу земного странствования», недвусмысленно заключал: «Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называю монашество, к которому я призван с детства чудным призванием и неизреченною милостью»^{64}.

^{62} Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 394.

^{63} Там же.

^{64} Свт. Игнатий (Брянчанинов). Указ. изд. Т. 5. С. 3.

Аще кто не возненавидит...

*Побег мой произвел в семье моей тревогу...
...Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городское поле,
Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.*

А. С. Пушкин

Святого Даниила Столпника ребенком привели в монастырь и попросили постричь родители. Получили родительское благословение на монашество преподобный Арсений Комельский и святитель Питирим Тамбовский. Но несравнимо чаще уходили тайно, вопреки родительской воле – преподобные Феодосий Печерский, Александр Свирский, Феодосий Сийский. И в наши дни случается: мальчик Саша, имея семью, совсем индифферентную к вере, скрылся из дому и вступил в монастырь. Мать, пока разыскивала его, не надеясь обрести жива, столько наплакалась и настрадалась, что начала понемногу молиться и, встретившись с сыном, уже не настаивала на его возвращении домой.

Без конфликта не обходится, кажется, никогда. Уже Киево-Печерский патерик повествует о смущении, которое преподобный Антоний претерпел за пострижение отпрыска знатного боярского рода: разъяренный отец, сорвав с новоиспеченного инока монашеские одежды, повлек его в свои палаты^{65}. Отец Иоасафа Белгородского не хотел его отпускать, даже имея извещение свыше, что сын станет архиереем. Семейные трения претерпел и святитель Игнатий (Брянчанинов).

А одного молодого человека, уже в наши дни, забрали из монастыря; он по врожденной тихости нрава не упрямылся, молча плелся как на закланье; достигли станции, сели в вагон, поезд тронулся; тут юноша вышел из купе; родители не обеспокоились: ведь не противился, да и вещи все здесь; а он спрыгнул на ходу и пошагал назад в обитель.

Мать преподобного Феодосия Печерского нещадно колотила любимое дитя, найдя в монастыре после долгих поисков, – но шпионов, чтоб выследить, и бандитов, чтобы выкрасть его, не нанимала и в суд, народный, а затем в Страсбургский, не подавала, не то что любящая мамаша из новейшего времени, научаемая участливыми газетчиками.

Никакие обстоятельства и резоны родителей не убеждают: одна девушка, измучившая семейство легким поведением, каким-то чудом забрела в монастырь, заинтересовалась и решила задержаться подольше; негодование родителей простиралось до самых чудовищных обвинений, оскорблений и утрашений в адрес настоятельницы. Из-за подобных скандалов некоторые игуменнии вопреки традиции внедряют правило: принимать только при согласии семьи.

Бунтуют не только неверующие; иногда как раз с верующими происходит что-то несусветное: мать будущей игуменнии Таисии (Солоповой) противилась решению дочери, прибегая к изобретательным козням и падая в обмороки. «Лучше бы мне похоронить тебя в могилу!» – слетало с уст благочестивой христианки. Митрополит Вениамин (Федченков) вспоминал, что его мать в том же случае рукою отца написала ужасное угрожающее письмо; «если есть слово Божие, то бывает и слово бесовское», – заключал владыка.

^{65} Киево-Печерский патерик. М., 1996. С. 12–13.

Случались отречения и другого рода. Преподобный Арсений Новгородский (XVI век) оставил жену через пять месяцев после свадьбы, а через пять лет прислал письмо, в котором утешал родных, обещая встречу в Царстве Небесном. Что совершалось в его душе, когда он удалялся навсегда и, как показывает письмо спустя пять лет, не по причине «смущения от жены»?^{66}

Определяться смолоду во всех отношениях удобнее: больше времени впереди, душа, пока не отравлена мирской горечью, не окаменела в грехе, восприимчивее к доброму наставлению и способнее к послушанию.

Подобное происходило всегда, хоть, может, и нечасто: жили-были, семья как семья, и вдруг муж объявляет, что решил уйти от мира; жена поплакала, но согласилась, и разошлись по монастырям, она с дочерью, он с сыном. Он, теперь известный как преподобный Нил Постник, или Синайский, рассказал, чего стоило это расторжение брака. Он записал свое свидетельство кровью сердца, в день, когда считал сына погибшим при нападении варваров, как бы подводя итоги перед лицом смерти: «Знаете, какова разлука для тех, которые единжды навсегда по закону соединены союзом брака, по таинственному соотнесению Сочетавшегося соделались единым телом... Какую боль причиняет меч, рассекающий тело, такую же причиняет и разлука для ставших единою плотию»^{67}.

Бывают разводы ради монашества и теперь; одно время в такую вошли моды, что последовало предостережение Синода к духовникам, поощряющим их. Со стороны трудно судить о побудительных мотивах; иногда брак значит так мало, что отказ от него не требует и малейших борений; в таком случае забытое понятие долга никого не останавливает; но всё же, по видимому, иногда божественное звание^{68} звучит так сильно, так властно: «Сия-то любовь предписывала мне идти в путь, и не мог я противоречить повелевавшей самоуправно...»^{69}.

...**От матерних пелен**, мудре, Богу возложен^{70} – поется в службе преподобному Сергию. О том же говорит и апостол Павел: когда же Бог, избравший меня **от утробы матери** моей и призвавший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего...^{71} Иными словами, Всеведущий избирает, предназначает от колыбели, а призывает в определенное Им время, непостижимым образом совмещая сопряжение всевозможных обстоятельств с *изволением сердца*, как говорится в акафистах.

Поэтому возраст решающего значения иметь не может. Определяться смолоду во всех отношениях удобнее: больше времени впереди, и, говорит святитель Игнатий, душа, пока не отравлена мирской горечью, не окаменела в грехе, восприимчивее к доброму наставлению и способнее к послушанию. Таково правило, которое, как и другие правила, имеет тьму поправок и исключений. Первым вспоминается Павел Препростый, терпеливый ученик Антония Великого, от которого будущий святой прежде испытания услышал, естественно: ты уже стар и не можешь подвизаться со мной.

Князь Петр Иванович Борятинский повоевал со шведами, томился в плену у литовцев, с почетом служил при дворе Иоанна Грозного, а при Борисе Годунове, отнюдь не в молодые годы, удалился в монастырь, работал на пекарне, рубил дрова, таскал воду, возделывал огороды; ко всему еще и носил вериги – и стал преподобным Поликарпом Брянским.

^{66} Святой Кирилл, епископ Туровский, перечисляет следующие основания для ухода в монастырь: или обещанного Царства желая, или диавола греховных работ не терпя, или житейския печали не любя, или женою и детьми смущаем.

^{67} Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 195.

^{68} Служба преподобному Сергию Радонежскому. Миняя (сентябрь). М., 2003. С. 720.

^{69} Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 195.

^{70} Миняя (сентябрь). Указ. изд. С. 699.

^{71} Гал. 1, 15.

Святитель Митрофан Воронежский до сорока лет жил в миру, похоронил жену, а о сыне никогда не прекратил заботу, как и преподобный Алексей Зосимовский, приступивший к монашеству в возрасте пятидесяти лет. В ту же пустынь тоже немолодым пришел и жил простым монахом о. Симон (Кожухов), аристократ по рождению, незаурядный музыкант, игравший на фортепиано в четыре руки с самим Чайковским! Сорока семи лет поселился в Оптинском скиту Павел Иванович Плиханков, и хватило ему дней возрасти до старца Варсонофия, прославленного во святых.

Маргарита Михайловна Тучкова (игуменья Мария) приняла постриг в шестьдесят лет; представление о глубочайшем внутреннем мире этой искренней, умной, горячо верующей женщины дает ее переписка с митрополитом Филаретом; святитель *смирал* ее иногда весьма болезненно, конечно, доверяя её мере и готовности принять урок: «Господь в свое время препоясывает и ведет Своих избранных так, как бы они не желали, но туда, куда желают пойти...»^{72}.

В конце пятого десятка стала монахиней в Пюхтицах Надежда Александровна Соболева; предшествующая ее биография, богатая событиями и встречами в России и на Западе, могла бы стать сюжетом захватывающего дамского романа. Она не просто доживала век в монастыре; здесь, на островке веры среди безбожного океана, она несла особую миссию: владея, как человек из-за границы, информацией о современных подвижниках, в частности, о старце Силуане, имени которого удостоилась в постриге, она усиленно трудилась над копированием и распространением духовной литературы, помогала окружающим и советом, и душевным участием, а кроме всего, как рассказывали, являла чрезвычайно ценный в общем житии пример безукоризненного поведения, изысканных манер и возвышенных устремлений.

Е. Поселянин повествует об одном купце, Иване Кузьмиче Козлове, которого разорила война 1812 года; затем он овдовел и перенес немало злоключений, пока, наконец, в 1836 году не водворился в Оптинском скиту, где всех удивлял именно послушанием – качеством, невероятно трудным для зрелого, тем более пожилого человека. Скончался он в 1850-м, в рясофоре, в возрасте за сто лет, значит, ступил на стезю монашества, страшно сказать, после восьмидесяти пяти! Но автор уверен: усердное произволение в год может сделать более, чем ленивое в пятьдесят лет^{73}.

В том же издании помещен рассказ о схимонахе Пантелеимоне, который, имея кроткий, тихий, молитвенный нрав, с детства мечтал стать монахом; но он был крепостной, его судьбой распоряжались другие: пришлось в свое время жениться и обзавестись детьми. Когда они выросли и определились, он смог, наконец, поступить в Глинскую пустынь и слыл подвижником.

Хочется упомянуть и о Савелии Константиновиче Эфроне, том самом составителе знаменитой энциклопедии Брокгауза и Эфрона: в глубокой старости он поселился в сербском монастыре Петковице, собравшем русскую братию из эмигрантов; митрополит Антоний (Храповицкий), любивший и почитавший старца, посылал игумену деньги на молочко для него^{74}.

В советское время многие, особенно женщины монашеского устройства, вынужденно прожили жизнь в миру: приём в немногие монастыри был столь затруднен, что казалось, их нет совсем. Искали чего-то похожего, группировались вокруг монахов, волею властей изгнанных в разное время из обителей^{75}, искали руководства и послушания, жили в строгой

{72} Принадлежу всем вам. Указ. изд. С. 98.

{73} Отечественные подвижники благочестия. Свято-Введенская Оптина пустынь, 1997. Март. С. 22.

{74} Митр. Антоний (Храповицкий). Жизнеописание. Письма к разным лицам. СПб., 2006. С. 154.

{75} Яркий пример – о. Амвросий (Юрасов), ныне архимандрит, духовник одного из крупнейших женских монастырей

покаянной дисциплине, иногда принимали постриг; а чуть начали открываться монастыри, первыми потекли в них, иные уже старушками – и наполнили на первое время новые обители.

Они умели петь и читать, но совершенно не усваивали монастырского этикета; мать В., к примеру, прекрасно читала канон на утрене, но иногда по слепоте медлила, и если певчие на паузе запевали катавасию, вслух, на весь храм, зычно возвещала: «Это вы поспешили, девки!» И сейчас еще есть монастыри, где собрались одни старушки, через пень-колоду веруют, через пень-колоду молятся, но держатся и соблюдают обитель на день, когда явятся молодые, если будет на то воля Божья.

Караван на пути к раю^{76}

*...Хоть вспомним ли, что это слово – братья –
Всех слов земных дорожке и святей?*

А. С. Хомяков

Протестантский богослов Гарнак с иронией отмечал, что монашество, не имея никаких самостоятельных задач и общественных целей, лишено исторического развития и остается таким же, каким оно было во времена древнейших византийских императоров даже касательно внешних правил; монахи, как и тысячу лет назад, живут в спокойном созерцании и в блаженном неведении^{77}.

Почему бы и нам не удивиться: разве ж это не чудо?!

И не доказывает ли оно, что данный способ земного существования избран и возлюблен Богом? Монастырь явился самой совершенной организацией людей по типу ангельского бытия и во все времена остается одним и тем же – живой иконой Царства Божия^{78}. Этот никогда не превзойденный идеал сложился на земле в дни пребывания Спасителя.

Надо заметить, что инстинкт, заложенный в соборной природе человечества как целостного организма, всегда порождает стремление к коллективизму, к совместному жительству на основах равенства и справедливости; Аристофан мечтал за четыреста лет до Рождества Христова:

Утверждаю: всё сделаться общим должно
И во всём пусть участвует каждый.

Есть целая литература о вымышленных республиках, городах солнца, где упразднена частная собственность, установлено абсолютное равенство граждан, они носят одинаковую одежду и у них общее всё, от еды до убеждений. Удачное название счастливой страны, придуманное Томасом Мором – Утопия – стало нарицательным для обозначения несбыточных иллюзий; поэтому чаще произведения на тему достижения общественной идиллии назывались антиутопиями, как популярные «Прекрасный новый мир» Хаксли, «Мы» Замятина и «1984» Оруэлла.

Жажда общности и теперь приводит восторженно настроенных людей^{79} в левацкие коммуны, кибуцы и колонии битников, хиппи, панков или как там они именуются сегодня. На этом неистребимом стремлении спекулировали большевики, заманивая в колхозы лживыми обещаниями и угрозами; но шли ведь и сами, без конвоя, своей волей, семьями, со скотом и прочим имуществом, с песнями и искренней надеждой изменить мир к лучшему; горе человеку, когда он один, утверждает Маяковский, а вместе...

Но вместе можно строить и вавилонскую башню. Слишком часто товарищество удерживается на взаимной выгоде, на разнообразном страхе, на авторитете вождя, на противостоянии остальному миру; последнее ярко отличает все образования сектантского толка. Цель, направление, идея определяют, что создается: союз, группировка, компания или община.

^{76} Общину аскетов обозначали словом *synodia*, что значит «караван, идущий по обратному пути к истинной родине, раю» (см.: П. Евдокимов. Православие. М., 2002. С. 95).

^{77} А. Гарнак. Монашество, его идеалы и его история. СПб., 1908. С. 30.

^{78} Архим. Эмилиан. Богопознание. Богослужение. Богомыслие. М., 2002. С. 372.

^{79} Конечно, на Западе, избежавшем прививки принудительного коммунизма.

Святой Игнатий Богоносец призывал святителя Поликарпа: «Старайся о единении, лучше которого нет ничего... Вместе подвизайтесь, вместе совершайте путь свой, вместе терпите, вместе успокаивайтесь, вместе вставайте, как Божии домостроители и домочадцы и слуги»^{80}. Антиохийский епископ писал свои Послания на пути в Рим, к месту исполнения смертного приговора. В оковах, сопровождаемый десятью воинами, он прибыл в Смирну, где получил приветствия и дары от малоазийских христиан. «Вы совершенно исполнили в отношении ко мне родственное дело»^{81}, – благодарил он; конечно, дело родственное, ибо касалось единой семьи, не ограниченной рамками общины в Иерусалиме или Антиохии, в Риме или на Кипре.

Монастырь явился самой совершенной организацией людей по типу ангельского бытия, и во все времена остается одним и тем же – живой иконой Царства Божия.

Часто повторяют, исходя из афонского образца, что общежитие есть только подготовка, обкатка острых углов в преддверии уединенного, более совершенного образа жизни. На самом деле монашество начиналось как раз с отшельничества, а уже Пахомий Великий, наученный ангелом, считал высшей формой иноческого подвига именно киновию и решительно выгонял, обрекая на анахоретство, нарушителей устава, неспособных к коллективизму: иди, живи один! В течение года он не поколебался избавиться от ста из трехсот насельников^{82}.

Василий Великий, создавая христианские поселения в Каппадокии, имел целью дать образец, противопоставить равнодушию и корысти дух братской любви и взаимной ответственности. Святитель так высоко ценил единодушие и доверие, присущие общинному образу жизни, что ввел в устав обязанность насельников доносить настоятелю о грехе брата, в целях оказания скорой нравственной помощи и немедленного очищения всего братства как целостного организма^{83}.

Киновиный образ жизни он полагал обязательным для всех христиан, даже состоящих в браке; Иоанн Златоуст горячо поддерживал эту идею, видя первопричину общественного зла в эгоизме, в стремлении человека к стяжательству; если этот корень вырвать и истребить, если христианское сострадание отзовется на чужую нужду и беду, станет возможным преодоление социальной несправедливости, которую он считал продолжением мучений Спасителя^{84}.

Прекрасный идеал не удался, не осуществился в мире, но священную традицию наследовало монашество – по слову Феодора Студита, бесценный дар неизреченной милости и любви Бога к людям; каждая монастырская семья, постепенно вырабатывая самостоятельный уклад, живет целостной жизнью, как ветвь на лозе Христовой: вместе друг с другом и с Богом. «Нюра, если будешь у преподобного Сергия, прошу поставить за меня свечечку и поклонись земным поклоном, да не отринет он меня грешного от святого иноческого стада своего...»^{85}.

Семья! *Купножитие* сообщает братству чудотворную силу; когда все вместе сажают или копают картошку, косят сено, засевают по весне огород, воцаряется радость, подобная

{80} Мужа апостольские. С. 372.

{81} Там же. С. 337.

{82} Проф. С. И. Смирнов. Духовный отец в Древней Восточной Церкви. М., 2005. С. 105.

{83} К счастью, не привилось, очевидно, потому, что никогда не могло быть исполняемо на уровне заданной св. отцом чистоты.

{84} Прот. Георгий Флоровский. Указ соч. С. 598–599.

{85} Путь на Небо – через Голгофу. Оптинский старец Рафаил (Шейченко). Воспоминания. Письма. М., 2004. С. 33.

той, что зафиксирована на лицах оптинских монахов известной фотографией, где они все в фартуках приготовились рубить капусту.

В такие *общие* дни остро ощущается сакральность даже самых будничных моментов монастырской жизни; освящается всё: семена и плоды, грядки, сады, ульи и колодцы. В одном монастыре на огороде служили молебен мученику Трифону об избавлении от тли, подразумевая колорадского жука. О другом бедствии, именно о птицах, клюющих в саду яблоки, отчего они становятся непригодны к хранению, никто в тот момент не думал, да и молебна по такому случаю нет; чтобы спасти урожай, низкорослые деревья обычно укрывали нетканкой. И вот, когда священник начал читать Евангелие, черная туча грачей ко всеобщему тихому изумлению с громким гамом взмыла над садом и подалась к западу; самое удивительное – больше они не появлялись в саду!

Так духовное перетекает в материальное. Единство обладает огромной самостоятельной силой: брат от брата укрепляем, все за одного и один за всех, жизнь обществом, в коем одно сердце и одна душа, Один Отец – Бог, и одно отечество – Иерусалим небесный^{86}. Монастырь – иной град, экстерриториальное образование, защита, крепость, священное пространство, укрывающее от соблазнов и вражды мира, совместный труд, приносящий одну на всех победу: наши яблоки! наше масло! наш хлеб! наш мед! наш сайт!

Даже еда, всегда вкусная, хотя и лишенная остроты и разнообразия (меню, как правило, составляется раз навсегда и изменяется разве из-за перебоев с какими-то продуктами), приготовленная с соблюдением ритуальных отличий: освященные фрукты и мед, куличи и пасхи, поминальные и масленичные блины, коливо в Великий пост – даже пища приносит ощущение красоты и подлинности благословляемого Богом бытия; так материальное перетекает в духовное. «Боже мой! – шепчет паломница, глядя на умиротворенных монахинь, снующих посреди цветов и сосен: – На земле в раю живут и после смерти в рай попадут!»

Единство обладает огромной самостоятельной силой: брат от брата укрепляем, все за одного и один за всех, жизнь обществом, в коем одно сердце и одна душа, Один Отец – Бог, и одно отечество – Иерусалим небесный.

Но, конечно, не всё и не всегда гладко и красиво. Летописи и хроники фиксируют всё яркое, достойное памяти: закладку фундамента, окончание ремонта, постриги, встречи архиерея, кончины насельников, а мелочами, как правило, пренебрегают, хотя из них и складывается *повседневная жизнь*. К примеру, перед каждым большим праздником случается небольшой конец света: машина, которая везет священника, ломается на полдороге, от пьяного пастуха разбедаются коровы, у м. Е. сердечный приступ, из-за грозы отключается электричество... Поразительно, что к началу всенощной всё устраивается: машину с батюшкой при-таскивают на буксире, коровы, нагулявшись, возвращаются, м. Е. от укула становится лучше, включают электричество, а сердца переполняются благодарностью: испытания сближают и дают урок помощи Божией.

Но вот архимандрит Киприан (Керн), человек ученый, книжник, но несомненный монах по мироощущению, говорил об *ужасе* общежития: монашество – это беспросветный физический труд, это окружающая среда безграмотных мужиков, это сфера интересов о сегодняшней трапезе, о монастырских новостях, о том, кто завтра служит и т. д.^{87} В самом деле: ведь семью (как и родителей, сестер, братьев) не выбирают; а ну-ка выпадет мыкаться всю оставшуюся жизнь с совсем чуждыми людьми, с которыми никогда бы по личной склонности не сошелся, как говорится, на одном километре?

^{86} Прп. Феодор Студит. Наставления монахам. Добротолюбие. Указ. изд. Т. 5. С. 594.

^{87} Архим. Киприан (Керн). Воспоминания о митр. Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002.

В монашеской семье непременно придется телесно и житейски соприкоснуться с теми, кого Бог пошлет, в том-то и премудрость, потому что нельзя спастись в благоустроенном одиночестве. Первые христиане зажглись мгновенно, а нам всё надо наживать, обучаясь, в длительном душевном подвиге. Жалеть издали – пожалуйста, хоть все человечество – очень просто благоволить и сострадать тем, кто не касается моей свободы. Еще проще дружить по сродству взглядов и увлечений; уже идут разговоры, чтобы и церковные приходы устраивать по интересам, вроде клубов, как на Западе: здесь собирается, к примеру, молодежь, там творческая интеллигенция, отдельно технари, за углом крупные предприниматели, а в храме близ рынка мелкие...

Но для христианина ценно не обоюдное наслаждение взаимопониманием, а духовный рост, внутренняя работа, ограничение самости. К. Леонтьев, который жил среди монахов и сам принял монашество, видел несовершенство и греховность монашеского большинства, но понимал, что и среднего уровня в монашестве не легко достичь, а очень трудно; со стороны заметно дурное и слабое, Бог же видит все тайные усилия ради исполнения заповеди, все болезненные внутренние жертвы и самых слабых подвижников, и самых грубых людей^{88}, и Он силен, порой неожиданно, соединить несоединимое.

Иногда отчетливо понимаешь: если б не Божие благоволение, критическая масса наших самолюбий, нетерпений, нервов и обид мгновенно разнесла бы любой монастырь вдребезги: первое сопрано опоздала, регент в раздражении одергивает всех подряд, альты мстят яростным молчанием, цепная реакция ползет дальше, трапезница швыряет тарелку под ноги келаря, келарь срывается на крик, кухарка убегает плакать, у вышивальщиц дрожат руки, художницы не в силах сесть за работу, до хаоса рукой подать... Никто уже не помнит, с чего началось, смятение охватывает всех. И вдруг внезапно шторм прекращается, все падают на колени, предупреждая намерение игумении наказать виновных: «Опять рот мне затыкаете вашим *простите...*» Продолжительное жительство в монастыре, сказал незабвенный святитель Игнатий, приносит нам хотя тот плод, что мы начинаем зреть немощи наши и всё упование наше возлагать не на себя, но на Искупителя нашего^{89}.

Как заметил классик, счастливые семьи счастливы одинаково, а несчастные несчастливы по-своему; единство иногда подвергается, по нашим грехам, искажению, порче: скажем, когда *некоторые равнее* и пользуются привилегиями: роскошно меблированные игуменские апартаменты, прислуга^{90}, отдельное изысканное питание^{91}, одежды из дорогих тканей^{92}, заграничные путешествия и т. п.

^{88} К. Леонтьев. Записки отшельника. М., 2004. С. 132–133.

^{89} Свт. Игнатий (Брянчанинов). Письма о подвижнической жизни. М., 1995. С. 59.

^{90} Заводят келейников (келейниц), иногда по двое-трое, которые даже исподнее стирают начальству! Понятно, ориентируются на более раннее время, XIX век – тогда окончательно устоялся никем уже не оспариваемый обычай принимать в монастыри с солидным денежным взносом, а которые без взноса, т. е. бедные, обрекались работать для пропитания и обслуживать богатым. Еще Иван Грозный возмущался, что в монастырях бояре не состригают боярства, а холопы не преодолевают холопства. Такой вариант христианского равенства и братства совершенно невозможно вообразить в древнем монашестве. Благообразные на поверхностный взгляд времена не случайно завершились чудовищной, в первую очередь для монастырей, катастрофой.

^{91} Питание в монастыре напрямую зависит от того, посещает ли настоятель(ница) общую трапезу. Велик соблазн как бы по уважительной причине – больной желудок, сердце, печень – сделать для себя исключение в смысле деликатесов, которых *на всех не хватает*. Если исключение становится правилом, правилом для насельников становятся пшено, картошка в мундире с кислой капустой плюс селедка в рыбный день, чай *брандахлыст*, заваренный и подслащенный в огромном общем чайнике, как в тюрьме, ужасная пластмассовая или железная посуда и прочая скудость, вызывающая протест, потому что в собственном доме хочется все-таки тепла, красоты и уюта. В греческих монастырях, рассказывают, наливают чашечки с блюдцами, полная смена тарелок, вилочки, ложечки всех видов... Правда, целыми днями моют и чистят. Можно, положим, и без уюта, но по общему согласию на скудость, ради подвига и одинаково для всех.

^{92} На московском подворье Троице-Сергиевой Лавры в лавке вывешены очень качественные черные ткани, завезенные из Австрии, Бельгии, Франции и даже Австралии – от 500 рублей и выше за метр. В обычных магазинах приходится покупать синтетику, тоже, впрочем, не так дешево: по 180–200 рублей. Нужна еще, за отсутствием в продаже штапеля,

Но и при болезни, недуге, ущербе организм монастырский все-таки остается, благодарение Богу, живым, сохраняя надежду на выздоровление. Совместное пребывание в любви, единомыслии и экономическом единстве (по-гречески «киновия») остается самым благоприятным условием для воспитания человеческого и церковного сознания. «Ну что вы можете мне предложить, – несколько свысока ответила мать В. сманивающим ее из монастыря щедрыми посулами родственникам, – я у Христа за пазухой живу!»

Иногда отчетливо понимаешь: если б не Божие благоволение; критическая масса наших самолюбий, нетерпений, нервов и обид мгновенно разнесла бы любой монастырь вдребезги.

Преподобный Сергей посвятил свой монастырь Пресвятой Троице: в Троице видел он то, что его ученик сумел воплотить в знаменитой иконе: вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставилась взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве^{93}.

тонкая шерсть на мантии, шифон на наметки, кожаные пояса (от 300 рублей)... Откуда же быть *нестяжанию*?! Пресловутого дешевого *мухояра*, в который одевались монахи XIX века, теперь не водится.

^{93} Свящ. Павел Флоренский. Троице-Сергиева Лавра и Россия. В сб.: Христианство и культура. М., 2001. С. 501.

Особенности монастырской политэкономии

*А мы живем как при Екатерине:
Молебны служим, урожая ждем.*

А. Ахматова

Приехал корреспондент; настоятель, как обычно, поручил беседу эконому о. Серафиму: тот, в прошлом журналист, привык уже оказывать содействие бывшим коллегам, умело формулируя не только ответы, но частенько и вопросы, т. к. спрашивают всегда одно и то же. Но когда выяснилось, что юноша от журнала «Предприниматель», о. Серафим прямо загорелся:

– Отличный материал может получиться! Вот спроси меня: на что мы существуем, откуда средства...

– Ну еще бы, пашете день и ночь...

И паренек глядел недоверчиво, от бесед уклонялся, носился по окрестностям, фотографировал коров, кур, пейзажи и дачников; в свет вышел еще один очерк в жанре «ах, ах, высокий класс»: благодарный автор хвалил всё, особенно кухню и ставропольский кагор, которым в качестве гостя пользовался ежедневно.

Между тем о. Серафим, как и всякий эконом, мог поведать немало интересного: как он дотла сгорал от унижения, когда приходилось с протянутой рукой обходить богатеньких; как усердно, но безуспешно боролся с неприязнью, просиживая часы в приемных новых хозяев; как, отсчитывая последние рубли перед архиерейским приемом, отчаянно одолевал откуда ни возмись всплывшую жадность; как вдоволь нахлебался укоризн от начальства и поношений от братии; как бесцельно собирался бежать от горькой своей участи... Но по прошествии лет он все приключения сводил к главному, что и усиливался за кагором втемяшить корреспонденту:

– Пойми! Приди я сюда неверующим – уверовал бы!

Труд всегда считался лучшим естественным лекарством от страстей.

Но тот ничего подобного не написал. Может, не дорос понимать эти вещи, может, считал, не доросли читатели, а может, о. Серафим не сумел доходчиво объяснить закона, сформулированного Самим Богом еще в первые времена монашества. Тогда великий наш основоположник Пахомий сильно загрустил, ошеломленный божественным извещением о грядущем духовном и нравственном упадке основанных им обителей; неутешно плача и вопия к Небесам, упомянул он и о своих немалых заслугах и трудах, оказавшихся, в свете откровения, тщетными. «Не хвались, слабый человек, но проси прощения, – ответил Господь, – всё держится Моим милосердием»^{94}. Эконом всего-навсего уразумел слова Спасителя собственным опытом; немного, но розы, как говорят англичане.

Образ монашеского жития, преподанный его первоначальнику ангелом, состоит в чередовании труда и молитвы. Святой Антоний упражнялся в рукоделии, завел и грядки, выращивая овощи ради утешения посетителей, изнуренных тяготой путешествия^{95}; его последователи, отшельники Фиваиды, Скита, Оксиринха, плели корзины из тростника, власяницы из пальмовых листьев, вязали сети и даже занимались помогать земледельцам в дни

^{94} П. С. Казанский. История православного монашества на Востоке. М.: Паломник. 2000. Т. 1. С. 319.

^{95} Св. Афанасий Великий. Творения. М., 1994. Т. 3. С. 219.

жатвы, не столько для прокормления, сколько избегая губительной праздности. Кто-то из отцов спросил авву Иоанна Колова: что есть монах? Он отвечал: труженик, ибо монах всегда работает до утомления^{96}. Труд всегда считался лучшим естественным лекарством от страстей; условия рая не подходят для развития и возрастания. Преподобный Симеон Новый Богослов и падение Адама объяснял наличием земных благ в изобилии без труда^{97}.

Труд в поте лица определен всему человечеству как обязанность, послушание, епитимия. Только городская белоручка, подвизающаяся в сестричестве с рекламируемым отсутствием сельхозработ, может заявить, что физическая работа приводит к атрофированию рассудка^{98}. (Хотя есть, есть, говорят, монастырь в США, какой-то греческой юрисдикции, на побережье Атлантического океана, так там никаких трудов, ни забот! только молись, созерцающая голубую даль! еду привозят, включая мороженое (в постные дни – постное!), в разовых пластиковых контейнерах, даже посуду мыть не надо!).

В киновиях с самых ранних времен заводили сады с огородами, пасеки, мельницы, пекарни и поварни. Иноческий труд – сладостное бремя: монах подходит к любому занятию аскетически: он всё совершает ради высшего, для Господа, за послушание, во спасение души. Монаху чужда корысть и психологически связанный с ней трудовой плен, страх неудачи; он подначален Христу, всего ожидает единственно от Него и потому ничего на земле не боится.

Разбойники, пришедшие ночью грабить обитель преподобного Антония Сийского, увидели многочисленную вооруженную охрану, которой, разумеется, на самом деле не было; это теперь некоторые монастыри кроме хорошо оплачиваемых казаков держат свору свирепых собак, да еще на ночь выпускают их за ограду, они кусают, пугают и напрочь отвращают от религии случившихся прохожих; между прочим, Маконский собор архиереев в Бургундии (585 г.) запретил епископам, попирая правила христианского гостеприимства, охранять свои дома собаками^{99}.

Труд в поте лица определен всему человечеству как обязанность, послушание, епитимия.

Вся суть монашеских трудов именно в мотивации, отличной от хозяйственной этики, принятой в миру, где целесообразность и количество труда измеряется результатом, выгодой, эффективностью. Не для достижения слепой покорности, как нынче, древние старцы благословляли иногда нарушать законы агротехники; они учили делать христианское дело в глубоком презрении к конкретной пользе, воспитывали правильное, православное отношение к труду и считали эту цель важнее забот об урожае. Монашество, как заметил о. Георгий Флоровский, создало особое богословие труда.

Авва Зосима, тот самый, напутствовавший Марию Египетскую, повествует об испытании, которому некий старец подверг брата – образцового огородника: он вырвал и истребил все овощи. Когда на грядке остался один корень, хозяин невозмутимо предложил: оставь, отче, сделаем угощение. Старец просиял, довольный: теперь вижу, ты раб Божий, а не раб овощей!^{100}

Соблазн подсчитывать прибыли и строить новые житницы^{101} существовал всегда; к тому же нас как-то постепенно, без боя, захватила протестантская мораль успеха, в соответствии с которой бедность, в том числе и бедность монастыря, свидетельствует о глу-

^{96} Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Киев, 1999. С. 82.

^{97} Слова преподобного Симеона Нового Богослова. М., 1892. С. 72.

^{98} См.: Архим. Рафаил (Карелин). О духовном делании. М., 2004. С. 10.

^{99} Диак. Андрей Кураев. Церковь в мире людей. М., 2006. С. 204.

^{100} Добротолубие. Указ. изд. Т. 3. С. 106.

^{101} Лк. 12, 18.

пости, нерасторопности и лени, а не о благородном стремлении к бескорыстию, простоте и свободе. Между тем преподобные Корнилий Комельский, Антоний Сийский, Дионисий Глушицкий, Авраамий Городецкий покидали основанные ими обители с наступлением стабильного материального благополучия; уходили не потому, что искали нищеты, а потому что ощущали ослабление благодати. Ибо, как формулировал Ломоносов, что прибавится в одном месте, то отыметя в другом.

С точки зрения идеала богатый монастырь – такой же нонсенс, как богатый монах. Притом, если, скажем, приверженцы преподобного Иосифа Волоцкого в полемике с *нестяжателями* выдвигали аргумент о милосердии и помощи бедным, то теперь и в оправданиях нет нужды, т. к. нестяжателей не слышно. Преподобный Нил Синайский уже в V веке осуждал увлечение монахов земледелием, торговлей и всякими приобретениями с целью увеличить приятность жизни^{102}. Предостерегал от опасностей процветания и святитель Иоанн Златоуст, считавший безопасность величайшим из всех преследований^{103}.

Если христианин всячески хлопочет, чтобы преодолеть бедность, он, очевидно, не хочет быть христианином, – отмечал святой Симеон Новый Богослов, – ибо истинному христианину нельзя быть без лишений и нужд^{104}. Впрочем, монашеская бедность заключается, может быть, не столько в худых ризах и скудной трапезе, сколько в тревожном ощущении постоянной, с точки зрения расхожего здравого смысла, подвешенности, неуверенности в завтрашнем дне и *надежном куске*; одна игуменья часто видит один и тот же сон: осталась без работы, без зарплаты и нечем кормить детей (которых в той жизни у нее не было).

Если христианин всячески хлопочет, чтобы преодолеть бедность, он, очевидно, не хочет быть христианином, – отмечал святой Симеон Новый Богослов, – ибо истинному христианину нельзя быть без лишений и нужд.

Сытый человек удовлетворен, самодостаточен и хочет только развлекаться разными диковинками – сказано В. С. Соловьевым, но как нельзя лучше применимо к нашему времени, богатому поистине сказочными диковинками: тут и музыкальные центры, и домашние кинотеатры, и компьютеры, и всякие цифровые фото-кино-камеры, и мобильники с навигаторами, не говоря уж об изощренном комфорте иноземных автомобилей. Особую рачительность по части технических игрушек проявляют, понятно, в мужских монастырях: сильный пол вообще склонен к строгой, взыскательной заботливости о собственных удобствах^{105}.

Размышляя после революции на руинах видимого величия Церкви о причинах крушения, М. Новоселов вспоминает приход под Петербургом, известный многообразной кипучей деятельностью. Посетителю демонстрировали потребительскую лавку, ссудо-сберегательное товарищество, фельдшерский пункт, богадельню, племенного бычка... только в храме было немногочленно и довольно мертвенно^{106}. Примерно так пока и наши новооткрытые монастыри. Хвалимся чем можем: евроландшафтом, зимними садами, кедрами и кипарисами, фонтанами и альпийскими горками, страусами, павлинами и цесарками, верблюдом, осликом и прочей экзотикой, в храмах золото, мрамор, мозаика, отменное пение – но всё это так, пустяки, развлечь архиерея; *понты*, как выражается один самокритичный игумен;

^{102} Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 256.

^{103} Прот. Георгий Флоровский. Указ. изд. С. 644.

^{104} Прп. Симеон Новый Богослов. Указ. изд. С. 72.

^{105} Как выяснилось из отзывов на книжечку «Держай, дочерь!», и самая осторожная критика в адрес представителей противоположного пола вызывает резкий отпор в виде упреков в феминизме или даже православном феминизме, что уж и вовсе нелепо: или мы и пред Богом не равны? Феминизм, может, кто не в курсе, словари определяют как протест против ущемления в правах и прочей дискриминации женщин, а в той книжке никаких претензий на священство или диаконовство отнюдь не водится. Но вот обидчивый пол, похоже, возводит в ранг дискриминации даже невинную оценку отдельных недостатков, присущих мужчинам.

^{106} М. А. Новоселов. Письма к друзьям. М., 1994.

глубину же иноческой жизни измерить мудрено. Однако, надеемся, семя прозябает и растет, а наше дело орошать, пропалывать и хранить посеянное, т. е. молиться, ожидая милости от Бога, Который един возвращает^{107}.

^{107} Свт. Филарет Московский. Мысли и изречения. М., 1999. С. 32.

У Бога всего много

*А Детям Марии чего желать?
Они знают – ангелы их хранят.
Они знают – им дана Благодать,
на них Милосердья направлен взгляд.
Они слышат Слово, сидят у ног и, зная,
что Бог их благословил,
Свое бремя взвалили на Бога, а Бог –
на Детей Марфы его взвалил.*

Р. Киплинг^{108}

Великий Антоний ел только хлеб с водой, раз в день. Пропитание в знойном Египте не составляло проблемы, особенно для подвижников, поэтому святой оставил поучения исключительно духовного характера, совершенно не касаясь вопроса материального обеспечения. Но уже преподобный Иоанн Кассиан (†435), основавший первые обители на Западе, в *Марселе*, хотя и восхищался постничеством египетских монахов, у которых вареная дикая капуста, приправленная солью, считалась лакомством, считал невозможным применение их устава в Галлии *по суровости воздуха*^{109} – в райском климате юга Франции, на Лазурном берегу, давно приспособленном сплошь под курорты!

Что же сказать о необъятных российских просторах, насквозь продуваемых северными ветрами; здесь само сохранение жизни требует огромных затрат, прежде всего из-за стоимости энергоносителей^{110}. Египетские пустынники нуждались в огне только чтобы сварить пищу, нам минимум восемь месяцев в году нужно топить^{111}, хорошо если газом, а то соляркой (дорого), электричеством (невозможно дорого); уголь или дрова дешевле, но к ценам по заготовке придется приплюсовать существенные трудовые издержки: за котлами или печами необходим круглосуточный присмотр.

Сколоченная из досок хижина по примеру Палестины или даже Калифорнии нам не подходит; нужен глубокий фундамент, серьезные стройматериалы, дерево или кирпич, солидные утеплители: поэтому любое строительство и производство у нас на вес золота; не случайно монастырские хроники в заслуги настоятеля прежде всего записывают постройку теплого храма или братского жилого корпуса.

Русские монастыри всегда испытывали тяжесть долгой зимы и недостаток продовольствия из-за короткого и нежаркого лета. Историки считают основой древнего монастырского хозяйства не денежные пожертвования (вклады), а земельные владения, и тут же упоминают частые неурожайные годы. Для поддержания жизни возделывали, кроме пашни, обширные огороды, держали скот и, следовательно, сенокосы, выращивали лекарственные травы, разводили пчел, ловили рыбу, на севере добывали на продажу черную лисицу, песка, белого медведя, топили тюлений жир, варили соль; не торговали только хлебом, который слишком дорого доставался и даже при избытке сохранялся на будущий, возможно, голодный год^{112}.

^{108} Перевод Д. Закса.

^{109} Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993 (репринт изд. 1892). С. 32.

^{110} См. интересное, хотя и не бесспорное исследование А. П. Паршева «Почему Россия не Америка». М., 2003.

^{111} Сельские жители из экономии и жили зимами в тесноте: собирались в одной теплой комнате, потому что дров на отопление всего дома, часто достаточно просторного, никогда не хватало.

^{112} Е. Романенко. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 36–70.

Известны описания несметных богатств некоторых монастырей в XIX веке: Соловки имели кожевенное производство, сапожную мастерскую, рыболовный флот с собственной верфью; на Новом Афоне в короткое время обзавелись каменоломней, узкоколейкой, кирпичным заводом; разводили рыбу, посадили оливковые плантации, виноградники и прежде неведомые на Кавказе цитрусы.

Труд монашеский никогда не окупался, разве что не оплачивался, и даже самые гениальные в своем роде настоятели вынуждены были пещись о жертвованиях.

На Валааме кроме знаменитых садов показывали смолокурню, известковый завод, громадные амбары, коровники, конюшни, разные мастерские; на острове проложили хорошие дороги; эксплуатировалось пароходство. В Дивееве функционировали мельница, фабрика тканей, мастерские – иконная, киотная, чеканная, столярная, вязальная; плели кружева, вышивали по бархату. В Шамордине сестры сами шили обувь, держали типографию, мельницу, водокачку; первыми завели свою фотомастерскую^{113}.

Киево-Печерская лавра в начале XX века имела хозяйство, которым мог бы похвалиться целый город: хлебозавод, винное, медоварное и пивное производство, макаронную фабрику, типографию, живописную, сапожную, портняжную, слесарную, кузнечную мастерские, свечной завод, электростанцию и АТС. Огромные площади занимали заливные луга под сенокос, огороды, плодовые сады и виноградники; Голосеевский и Китаевский хутора поставляли овощи, молоко, фрукты, пасека в Самбурках – мед и воск, в прудах разводили рыбу, в оранжереях выращивали лимоны с апельсинами, погреб для хранения припасов и солений занимал пять этажей!

Однако и кормить приходилось, считая все скиты и подворья, более трех с половиной тысяч братьев да еще невесть сколько неотвратимых *послушниц*, которые вместе с штрафниками из монахов чистили картошку, а также готовили еду, стирали бельё и пололи грядки. Лавру посещали десятки тысяч богомольцев, которых размещали в гостинице из 14 корпусов; в нескольких лавках на территории монастыря каждый из них покупал что-нибудь на память: торговали лаврским необыкновенным хлебом, ладанками, ювелирными изделиями, книгами, иконами, картинами^{114}.

Но всё это имели и умножали несколько крупных, всенародно посещаемых многонаселенных обителей. Большинству же других, небольших по численности, не владевших, по-видимому, начальным капиталом, чтобы развернуться, приходилось довольствоваться скромным существованием. Средства добывали в основном тем, что *ходили по сбору* – способ этот всегда осуждался как попрошайничество и цыганство, и в 1910 году Синод даже запретил выдавать *сборные книжки*, – но из-за нужды никогда не прекращался и вместе с монастырями возродился в наши дни.

Монастыри, кроме заштатных^{115}, получали стабильные, хотя и небольшие субсидии от государства. К примеру, Донскому монастырю, в котором на 1910 год числилось 37 монахов и 11 послушников, выделяли 2212 рублей, т. е. около 50 рублей в год на брата; Данилову даже меньше: при списочном составе 22 человека – 711 рублей, т. е. около 32 на брата^{116}. Для сравнения: заработная плата рабочего в те же годы составляла, в зависимости от произ-

^{113} См.: П. Н. Зырянов. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999.

^{114} См.: Проф. И. Н. Никодимов. Воспоминания о Киево-Печерской Лавре. Киев, 1999.

^{115} В соответствии с секуляризационной реформой Екатерины II были введены *штаты* монастырей, предписывающие определенное число монашествующих, с делением на 1, 2 и 3 классы и соответствующим государственным обеспечением. Заштатные монастыри обладали большей свободой, но не получали средств из казны, или, как при императоре Павле, получали, но совсем небольшие, независимо от числа насельников.

^{116} П. Н. Зырянов. Указ. соч. С. 172, 178.

водства, от 200 до 400 рублей в год, а цены на основные продукты питания: хлеб ржаной – 7 копеек за килограмм, пшеничный – 17 копеек; сахар – 34 копейки, сливочное масло – 52 копейки, растительное – 5 копеек, 1 литр молока – 10 копеек, десяток яиц – 30 копеек^{117}.

Но, конечно, городской монастырь увеличивал доходы за счет прихожан, а сельский – земельными и лесными угодьями, часто сдаваемыми в аренду. Труд монашеский никогда не окупался, разве что не оплачивался, и даже самые гениальные в своем роде настоятели вынуждены были пещись о пожертвованиях.

Те же летописи свидетельствуют о купце *имярек*, перечислившем на монастырь 5000 рублей, или о вдове, передавшей на помин кроме нескольких тысяч еще и золото для украшения иконостаса; число богатых, имеющих особое усердие к храму, не уменьшалось: стоило открыться новому монастырю, немедленно создавался попечительский совет во главе с известным уважаемым лицом, какой-нибудь кавалерственной дамой, и брал на себя финансовые заботы.

Не брезговали, конечно, никаким жертвователем, праведность нажитого не проверяли и послушно следовали воле благодетеля, например, пользовались процентами с капитала и ценных бумаг, что не одобряется канонами как разновидность ростовщичества. Самым обеспеченным слыл подмосковный Перервинский монастырь, в ведении которого находилась Иверская часовня на Красной площади; иконе поклонялись все москвичи и гости столицы, ее возили по домам, и доходы, т. е. массовые добровольные пожертвования, исчислялись миллионами. Крестными ходами с чтимыми образами зарабатывали и другие обители.

Так было до революции; затем темная бездна поглотила и монастыри, и народную веру, и богатых людей. Осталось государство с жесткой системой распределения, за счет почти поголовно нищего населения содержавшее то и только то, что было ему необходимо для жизни и угодно идеологически: промышленность, сельское хозяйство, культуру.

Громадные предприятия рухнули, когда хлынули к нам дешевые^{118} товары с Запада или из Китая; сегодня процветает одна торговля. Но что может произвести и продать монастырь, учитывая насыщенность рынка? Молочные продукты? Да, во время оно монастыри отказывались даже от огородов, овощи покупали, а все силы бросали на пашню ради хлеба и на сенокос ради умножающегося из года в год стада, держали до ста голов и торговали молоком и мясом, не брезгуя и откормом свиней^{119}. Но сегодня молоко ценится дешевле бензина, поэтому, по справке Минсельхоза на 2005 г., чистая прибыль от одной коровы выражается в смешной цифре 107 рублей.

Ну, сочиняют какие-нибудь уникальные сувениры: вышивка, рисунки, куклы, облачение – всё имеет ничтожный спрос среди своих же, православных; любая идея немедленно перехватывается^{120} и лишается оригинальности, т. е. конкурентоспособности; об эффективности и речи нет, *hand made*. Доход не покрывает затрат, даже если изъять из себестоимости потраченное время и муки творчества, разве что труд монашеский, как уже говорилось, всегда бесплатный.

Поэтому проще и выгоднее ничтоже сумняся зарабатывать, как все, торговлей, перепродажей: популярные выставки «Рождественский дар» и «Вербная неделя» наглядно иллюстрируют: монастыри, предлагающие что-то своё, можно перечест по пальцам одной руки, а на остальных прилавках одни и те же книги, софринские иконы и немудрящая утварь того же происхождения.

^{117} Ю. А. Рябов. Богохранимая страна наша Российская. СПб., 2004. С. 175, 181–182.

^{118} Дешевизна объясняется, во-первых, климатом (цех ширпотребы где-нибудь в Малайзии возводится из легких металлоконструкций без фундамента и не требует отопления), а во-вторых, техника, технология и организация производства на советских предприятиях, как открылось при сравнении, оставалась на уровне XIX, если не каменного, века.

^{119} Е. Романенко. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. Указ. изд. С. 36–70.

^{120} Ибо ни о каком патентовании или авторском праве в православной среде пока вопросов не возникает.

Иные, приспособившись к моменту, сговариваются с паломническими фирмами, принимают по несколько автобусов в день и продают, продают, продают: книги по удвоенной в сравнении с издательской цене, фотографии с видами обители, камушки и травку с дорожки, по которой якобы гулял преподобный триста лет назад, святое масличко от иконы, святую водичку с молебна, четочки, мешочки для ладана, билеты на посещение *старца*, если имеется подходящий хотя бы по возрасту, принимают записки на поминовение, берут плату за вход в монастырь, за экскурсию, за купание в источнике; ну, цены, само собой... туристы возмущаются.

Пышно декорированные уже не лавки в храме, а солидные отдельно стоящие магазины удовлетворяют – или формируют? – массовый спрос: иконочки от рака, от запоя, от автомобильной аварии, для успеха в торговле, молитвы *на все случаи жизни*, земелька от болезней, роскошные расписные яйца, фолианты с золотым обрезом и миниатюрные резные храмы *на подарок благодетелям*. В Америке, слышно, какой-то монастырь торгует картриджами для принтеров, но за некультовую продукцию поди налоги надо платить? Одна паломница кипела, невольно подслушав разговор в монастырском магазине: «О чем, по-твоему, я как настоятель думаю в первую очередь? О доходе!»... Кто вынужден к материальным заботам, поймет и не осудит.

Если ассортимент разнообразен и наплыв гостей непрерывен, что требует, конечно, утомительных трудов и лихорадочной суеты, суммы собираются существенные. Провинциальные обители, расположенные вдали от Москвы и Софрина (за товаром ехать далеко, следовательно, дорого), не богатые инициативными кадрами, не располагающие великими святынями и прославленными источниками, выручают копейки, на хлеб. Но ведь, в конце концов, сказал же деловым братьям авва Иоанн, игумен Раифский^{121}: здесь место подвижников, а не торговцев^{122}.

Один монастырь сладил лесопилку, но из-за малочисленности насельников кадры приходится набирать с улицы, они пьют, прогуливают – не разбогатеешь. Тот же результат, как правило, постигает столярные и иные мастерские из-за той же необходимости нанимать посторонних: мало платить – не будут работать, много платить – себе дороже. Рождались замыслы разводить нутрий, или овец, или свиней на мясо, но тут возникает нерешимая, по крайней мере для женской обители, моральная проблема: эту зверушку, которую сегодня кормишь-поишь и неизбежно любишь, завтра убить ну никак невозможно.

Натуральное хозяйство как-то благороднее, и все монастыри заводят огороды, коров, кур, пасеки, сады, пруды; хотя в российских широтах сельское хозяйство является весьма рискованным делом: почти всюду бедные почвы, заморозки угрожают аж до середины июня, лето бывает или засушливое, когда все силы отнимает полив и безнадежная борьба с вредными насекомыми, или дождливое, когда буйно растут одни сорняки, ягоды гниют на корню, а овощи приканчивает фитофтороз.

Возделываемые площади, как правило, невелики, не хватает рабочих рук, нет специалистов^{123}, кое-как ковыряться в земле способны лишь пожилые женщины, которых в миру нужда заставляла держать огород; из техники имеется мотоблок, купить за полтора миллиона трактор могут лишь очень крупные монастыри, пользующиеся вниманием очень крупных фирм, концернов или властей; не случайно же лопнули колхозы и совхозы, лишившись поддержки государства.

{121} Побудивший другого авва Иоанна, игумена Синайского, к написанию «Лествицы».

{122} Луг духовный. Репринт. изд. Сергиев посад, 1915. С. 140.

{123} До революции монастыри населяли главным образом представители крестьянского сословия.

Рука дающего...

*Первый тщию во нужде ближним пособити,
А за то изволит Господь тя благословити;
Будет во нуждах твоих Сам Помощник тебе
И подаст возмездие в златосветлом Небе.*

Симеон Полоцкий

Один столичный священник уже много лет помещает в изданиях духовного содержания странные рекламные объявления, приглашая в свое *сестричество* девушек до 30 лет. Двери его храма в центре Москвы тесно оклеены аккуратными, выполненными на хорошем принтере, объявлениями: просим пожертвовать столовые приборы... очень нуждаемся в посуде... будем благодарны за принесенные цветы и т. п. Понять можно, подарки всем нравятся; однако тот же батюшка любит печатно порицать современные монастыри, утверждая как догмат, что они обязаны, в соответствии с традицией, кормиться трудами своих рук.

Существовала ли в самом деле подобная традиция?

В «Лавсаике»^{124} читаем рассказ блаженной Мелании о посещении легендарного старца Памвы. Гостыя привезла ящик с серебром и, задетая невниманием подвижника к приношению и к ней самой, заметила: да будет тебе известно, что здесь триста литр! Старец мгновенно, не перестав плести корзину, распределил деньги на нужды братий, живущих в Ливии и по островам, египетским же отказал, «ибо страна сия плодороднее других». Богатые пожертвования не были редкостью, и повествования о нестяжательности иноков начинаются с того, как один человек приносит много золота, или значительную сумму денег, или наследство^{125}.

Привозили и хлеб, овощи, фрукты, масло; сам великий Антоний занялся огородом, только уйдя во внутреннюю пустыню, а первые годы, пишет святитель Афанасий, его снабжали пищей жители ближайшего селения, как и преподобного Антония Печерского в Берестове. Авва Аполлоний в преддверии Пасхи предложил каждому из братий испросить у Христа для радостного дня то, что бы он охотно ныне вкусил; по окончании молитвы самого преподобного явились никому не известные люди, доставившие обильные изысканные яства, которыми иноки наслаждались до самой Пятидесятницы^{126}.

Этот эпизод отчетливо иллюстрирует основополагающий принцип монашеского обеспечения: обращение к Подателю всех благ и непоколебимая надежда на Его милость. Преподобный Нил Синайский упоминает о многих состоятельных мирянах, материальной помощью участвовавших в жизни монахов: знатной благотворительнице Перистерии, диакониссе Феодулии, трибуне Сосипатре, сановнике Героне. Он строго обличал тенденцию по слабости веры возлагать надежду на собственные руки: Господь вовсе освободил нас от попечения о земном, повелев искать одного Небесного Царствия^{127}. Время же и вид помощи избирает Он Сам; аще же замедлит, воспитывая терпение, значит, пождем, победствуем, постраждем; упование никогда не посрамляется.

^{124} Начало монашества, IV век, солнечный Египет.

^{125} См.: Древний патерик. С. 96–106.

^{126} Пресв. Руфин. Жизнь пустынных отцов. М., 1998. С. 116–117.

^{127} Творения преподобного отца нашего Нила Синайского. М., 2000. С. 245.

История монашества полна рассказами, как опустевшие закрома внезапно оказываются доверху наполненными хлебом^{128}, или сияющий ангел побуждает настоятеля соседней киновии немедленно отправить съестные припасы оскудевшим братиям^{129}, или неожиданно, на грани голодного бунта, раздастся стук в ворота и вносят корзины со снедью^{130}, или обнаруживают чудесную бутылку, в которой не убывает оливковое масло^{131}... Или, менее романтично, когда нечем платить за электричество и грозят отключением, является некое лицо и приносит ровно сколько нужно. Ну а если вдруг... если Бог и Пречистая забудут нас на этом месте, то зачем и оставаться в здешней жизни^{132}.

Господь вовсе освободил нас от попечения о земном, повелев искать одного Небесного Царствия. Время же и вид помощи избирает Он Сам; аще же замедлит, воспитывая терпение, значит, пождем, победствуем, постраждем; упование никогда не посягается.

Даже великие подвижники ужасных пустынь, избиравшие жестокое житие, не бывали оставлены; Кирилл Скифопольский упоминает о жителях Иерихона, которые, узнав о строгой и безотрадной жизни старцев аввы Герасима^{133}, взяли за правило в субботний и воскресный дни навещать их и приносить утешение.

Сирийские монахи, самые суровые постники, случалось, возвращали добросердечным почитателям их дары, но бывали исключения: Феодорит Кирский сообщает о военачальнике Траяне, который построил новую келью и всячески благодетельствовал слепому пустынножителю^{134}, и о благочестивом Астерии, который несколько раз в году предпринимал семидневное путешествие по пустыне с четырьмя возами смокв для отшельников; особо, на своих плечах, он нес два мешка смокв почитаемому им старцу Иулиану^{135}.

Преподобный Савва Освященный (†532) жил сперва один, среди камней в Палестине; хлебом, сыром и финиками снабжали его водимые, конечно, Промыслом *сарацины*. Однажды они обыскали его пещеру – он сам спустил им веревку, по которой можно было подняться – и умилились нищетой и беззащитностью святого.

Потом, как известно, он основал Лавру, но, вынужденный покинуть ее по причине дерзостной ропотливости братий, удалился в страну Никопольскую и пребывал там под деревом, стручками которого питался. Владелец этого места, узнав о Савве, пришел и построил ему здесь же келлию, которая, при содействии Христа, спустя некоторое время также превратилась в киновию^{136}.

Подобная история произошла пятью веками позже с Симеоном Новым Богословом, преследуемым синкеллом; автор его жития Никита Стифат приводит и имя сановника, хозя-

^{128} Луг духовный. Указ. изд. С. 37.

^{129} Палестинский патерик. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 197. У нас это невозможно! Уже имеются безобразно разбогатевшие, по разным причинам, монастыри, но наотрез не принято делиться с бедными, деревенскими, трудовыми обителями; просят у мирских, даже, может, бандитов, но и в голову не придет обратиться к собратьям, да ведь и не дадут: «С ума сошла!» – ответил один архимандрит просительнице-игуменье. Отказывают и с мотивировкой: «Мы на братском собрании приняли решение никому не помогать».

^{130} Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад, 2001. С. 65.

^{131} Несколько лет назад на Афоне.

^{132} Преподобный Кирилл Белозерский. В кн.: А. Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 168.

^{133} Особенная суровость устава объяснялась, возможно, тем, что преподобный Герасим, иже на Иордане († 475), желал искупить свою былую приверженность к ереси Евтихия.

^{134} Феодорит, епископ Кирский. Церковная история. М., 1993. С. 170.

^{135} Там же. С. 135.

^{136} Палестинский патерик. С. 205.

ина полуразрушенной часовни, близ которой обретался святой изгнанник, – Христофор Фагура^{137}.

В Византии, стране наших грез, монашество находилось в положении блистательном и привилегированном; Роджер I, великий граф Калабрии и Сицилии, жаловал игуменов учрежденных им италийских монастырей аж титулом светских баронов. Представители местной знати, как правило, добровольно возлагали на себя обязанности ктиторов, а императоры охотно внимали монашеским увещаниям и прошениям. Преподобный Феодор Сикеот в одно из наставительных писем к прослывшему жадным Маврикию включает ходатайство о даровании своему монастырю кормления, т. е. определенной ежегодной субсидии зерном из государственных имений^{138}.

Обители строили и содержали цари, патриархи, вельможи, чиновники, крестьяне и сами монахи; бедные изыскивали и объединяли средства. Богатые и знатные граждане приносили в дар рабов, волов, стада верблюдов и овец, табуны лошадей, недвижимость и тысячи десятин земли. В X веке процветание монастырей сочли угрожающим экономике государства: в киновию вступали крестьяне вместе с землей, юноши, подлежащие воинскому набору, и множество иного податного населения; бюджет скудел, лишаясь налогов, и в 964 году император Никифор Фока запретил основание новых обителей.

Но законы менялись вместе с императорами, и обители продолжали возникать. Уже в 1077 году патриций-анфипат Михаил Агталиат основал в Македонии монастырь с сиротским приютом; император Михаил VII Дука утвердил за ним многочисленные отписанные основателем имения и им же составленный устав, а также освободил обитель от всех государственных податей и повинностей.

Императоры Алексей Комнин и его сын Иоанн восстанавливали монастыри, разрушенные сарацинами, и строили новые, наделяя их плодородной землей и лугами; притом работали на полях отнюдь не монахи, а наемники, которых специально переселяли поближе. А обитель на безводном и каменистом острове Патмос просто снабжалась всем необходимым из казны. Преемник Иоанна Мануил подвергал отца и деда едким насмешкам за раздачу обильных имений, вынуждавших монахов к многообразным хозяйственным хлопотам; поэтому, устраивая свою обитель, Мануил выбрал уединенное место и не закрепил никакого имущества, а только жалованье, сколько нужно для полного содержания монахов^{139}.

Афон не был исключением из общего порядка; документальная его история начинается с 676 года, когда император Константин Погонат укрепил полуостров, только что опустошенный арабами, за монашествующими. Впоследствии охранные грамоты выдавались императорами Василием Македонянином (872) и Романом Старшим (934); от последнего поступало также вспомоществование – по монете на брата.

Преподобный Афанасий, основатель киновийной жизни на Афоне, с 963 года строил общежительную Лавру на средства императора Никифора Фоки, от которого получил и хрисовул, жалующий на содержание штата в 120 человек 244 золотые монеты ежегодно. Созидание Иверского монастыря (980–985) связано с именами грузинского куропалата Иоанна и полководца Торникия, вложившего в строительство богатую военную добычу; немало жертвовала императрица Феофано, мать будущего царя Василия Болгаробойцы. Некоторые монастыри, например Хиландар и Кутлумуш, получили названия по именам своих ктиторов.

^{137} Прп. Симеон Новый Богослов, прп. Никита Стифат. Аскетические произведения в новых переводах. Клин, 2001. С. 171.

^{138} Житие преподобного Феодора, архимандрита Сикеонского. М., 2005. С. 11.

^{139} См.: И. И. Соколов. Состояние монашества в Византийской Церкви. СПб., 2003. С. 69–189.

После набега арабов в 1044 году обители были опустошены, монахи убиты или уведены в плен, а на полуострове стали покупать земли и селиться кто попало. Опять понадобилось вмешательство императора, Константина Мономаха: он удалил мирян с Афона, снабдил монахов хлебом и дал Святой Горе новый устав, под которым подписались игумены 180 обителей. Преемники Мономаха тоже щедро жертвовали на Афон как из государственной казны, так и из личных средств^{140}.

Святитель Григорий Палама говорил в одной из омилий: мы изобилуем таким большим количеством продуктов питания и одеждой, имея склады и хранилища полные пшеницы и вина, булочные и пекарни, одним словом, всё необходимое – и всё это даруется нам **без нашего труда**^{141}.

Естественно, именно в византийской форме ктиторских, или княжеских, родились первые Ирнинский и Георгиевский монастыри в Киеве; эта форма преобладала на Руси в домонгольский период. Учредитель имел свои права: он выбирал имя для обители, т. е. святого, которому посвящался главный храм, и назначал настоятеля. Для себя он заводил в монастыре фамильную усыпальницу и имел гарантию прижизненного и посмертного молитвенного поминовения. Киево-Печерский монастырь, начало которому положено в пещерах, ктиторским не считался, хотя обильно получал помощь христолюбивых князей.

Преподобный Дионисий Глушицкий, пока жил один, может быть, и кормился ягодами черемухи, к которой прислонил свою келью, но с приходом новых братьев послал одного из них к князю с просьбой прислать *древodelей*, рубить и расчищать лес, – и, конечно, получил всяческое вспоможение от боголюбивого владетеля, пришедшего в радость о возникновении нового монастыря^{142}.

Преподобный Герасим Болдинский начал подвизаться в совершенном уединении, в глухом смоленском лесу, повесив при дороге *кузовец* для сбора милостыни; впоследствии же стал основателем четырех киновий. Более или менее крупные монастыри уже не могли быть в полном смысле нестяжательными: необходимо приходилось защищать монастырские огороды, луга и пашни от захвата мирянами, поэтому добывать грамоты на землевладение; князья отписывали деревни вместе с крестьянами, таким образом даруя обителям и работников.

Несомненно, Бог так и устраивает, чтобы одним предоставить возможность доброхотным даянием восполнить недостаток дел, а других через благодарность побудить к человеколюбию и снисхождению.

Преподобный Павел Обнорский спасался в дупле липы, но основанный им монастырь имел земельный участок в 30 квадратных верст с четырьмя деревнями, а полвека спустя владел уже 45 крестьянскими поселениями^{143}.

Обитель преподобного Корнилия Комельского, пользовавшаяся при устройстве покровительством великого князя Василия Ивановича, по-видимому, получала помощь стабильно и регулярно, так что преподобный даже включил в устав положение о милостыне, которое запрещало, ради сохранения общежития, самим благотворителям распределять пожертвования между братьями и предостерегало монахов, сборщиков милостыни, от злоупотреблений, приравнивая любое присвоение общего братского достояния к святотатству^{144}.

Безупречнейший нестяжатель, преподобный Нил Сорский, считавший даже украшение храмов, *золты и серебряны сосуды священныя*, непозволительной роскошью, и тот допускал взимание милостыни; он понимал, что принцип *жить трудами своих рук* таит в себе

^{140} И. И. Соколов. С. 195, 210–211.

^{141} Беседы (омилии) святителя Григория Паламы. М., 1993. Ч. 2. С. 151.

^{142} См.: А. М. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. М., 1999. С. 108.

^{143} Сведения В. О. Ключевского. Цит. по: Г. П. Федотов. Собр. соч. М.: Мартис, 2004. Т. 11. С. 233.

^{144} А. М. Муравьев. С. 72.

куда более душевредную необходимость рассчитывать цену, заботиться о прибыли, извлекать корысть и вникать в хитросплетения экономики.

Независимости от благотворителей не бывает, считали такие безупречные настоятели, как Угрешский Пимен и Валаамский Дамаскин. Несомненно, Бог так и устраивает, чтобы одним предоставить возможность доброхотным даянием восполнить недостаток дел, а других через благодарность побудить к человеколюбию и снисхождению. Нестыжательнейший Кирилл Белозерский писал князю Андрею Можайскому: милостыньку бы по силе давали: понеже, господине, поститися не можете, а молитися ленитесь...^{145}

Забытая, ныне вновь обретаемая культура общения с благодетелями состоит в том, чтоб не возноситься своим благочестием, не поучать и не судить, а искать повода проявить участие и ласку. Однако, всячески угождая, не следует уподобляться, по выражению Нила Синайского, молодым псам, весело махающим хвостом, ласкаясь к бросающим кость, и не льстить, приписывая порочным всякую добродетель^{146}, но сохранять независимость и достоинство. Замечательно отвечал о. Моисей Оптинский жертвователям, недовольным гостиничным обслуживанием: «Мы думали, вы оказываете нам благодеяния ради Бога, а если от нас, грешных, ожидаете воздаяния, то лучше и не оказывать благодеяний, потому что мы, убогие и неисправные, ничем не можем воздать за них». В тексте жизнеописания тут оговорка: конечно, в этом случае о. архимандрит знал, с кем он имел дело^{147}.

Всякий обучается этой науке самостоятельно, употребляя терпение и молитву. Не следует вымогать, кланяться, утверждал архимандрит Пимен, особенно для личного употребления; он так и не принял мебель красного дерева, которую навязывала в настоятельские покои вдова купеческого звания^{148}. Ювелирной тонкости и осмотрительности потребовали от него аккуратно выстраиваемые отношения с богатым мануфактурщиком, которому Угреша обязана всеми перестройками и прочным материальным благополучием; о. Пимен сумел стать для Павла Матвеевича Александрова, человека достойного, умного, но отнюдь не простого и доступного, необходимым другом, духовником и наставником, проводил его *в путь вся земля*, и один Бог знает, кто больше получил от этого союза.

В наше время сложностей много, хотя бы потому, что за десятилетия вавилонского пленения из сознания людей изгладилось понятие о пожертвовании; даже деревенские старушки, когда никто не видит, в уплату за свечу норовят опустить в кружку пуговицу или монету, вышедшую из употребления. Большинство прихожан становится в тупик перед определением «дайте сколько не жалко», а намек на *десятину* повергает в смятение и ужас: грабеж!

Богатеи хоть и носят крестики, но служить пока предпочитают земному и от Церкви ожидают того же: активной деятельности по воспитанию масс и улучшению нравов, а также ощутимой *отдачи*. Один восстанавливает храм в обители, но за это близ ограды возводит собственный отель; стоимость номера \$ 800 в сутки, конечно, изумляет паломников, рассчитывающих на кров *монастырской* гостиницы. Другой, обещая подарить трактор, высказывает намерение присвоить монастырю имя своих дочерей, которым уже озаглавил магазин в городе, и уверяет, что зазвучит очень красиво: «Вероника и Кристина».

Третий привозит карту местности, расчерченную на квадраты, и требует перед выборами в каждый квадрат заслать по монаху-агитатору за депутата, в избрании которого он заинтересован. Четвертый, реализуя неумные амбиции, всё делает с размахом, с излишним,

^{145} Цит. по: И. М. Концевич. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Изд-во Московского Патриархата, 1993. С. 151.

^{146} Цит. по: Иноческий быт в описании Нила Синайского. В сб.: Сокровенный сердца человек. Жизнь и труды священномученика Серафима (Звездинского). СПб., 2002. С. 126.

^{147} Прп. Моисей. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2004. С. 170–173.

^{148} Архим. Пимен. Биографический очерк. Свято-Никольский Угрешский монастырь, 1998. С. 73.

а для монастыря вовсе неуместным шиком: фигурный заморский паркет в кельях, мрамор и джакузи в ваннах, мерседес настоятелю; потом стыдно людей и приходится оправдываться: лопаем, мол, что дают.

Обременительны и обязательные приемы дорогих гостей: ресторанное меню, изысканные закуски, горячительные напитки. Один настоятель, которому архиерей лично, ради самого исторически знаменитого в епархии монастыря, находит *спонсоров*, дерзнул упрекнуть владыку: гости, мол, водку пьют, братия соблазняются. Сытый голодного не разумеет: побегай наместник за ними сам – научился бы кланяться дателю всякой копейки, что, кроме пользы вверенному монастырю, и весьма душеспасительно; ведь это Воланд, князь тьмы и отец лжи, изрек: никогда и ничего не просите.

Поражает несомненная достоверность «Чертогона» Лескова: монашки у *Всепетой* с почетом встречают страдающего похмельем и муками совести гуляку-купца, без тени осуждения утешают *благодатным сумраком*, свечечками, молча, издалека жалеют и молятся – неужели только за щедрые дары?^{149} И нам бы полезно в общении с кормильцами превозмогать внутреннюю надменность, кичливость, неодолимую боязнь унизиться... Каемся в человекоугодии, будто оно губительней гордости. Впрочем, как писал приснопамятный святитель Филарет Аносинской игумении Евгении, не человекоугодничать надо, а смиренную покорностью снискивать благорасположение добрых людей^{150}.

^{149} Н. С. Лесков. Собр. соч. М., 1989. Т. 5. С. 460–471.

^{150} П. Н. Зырянов. Указ. соч. С. 79.

Тесный путь, имже внидоша святии отцы...^{151}

*...Как я добыл ее! Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от жажды.
Я рыл и рыл... Владеет ею тот,
Кто сам, один, добыл ее однажды.
Она во мне. Я жил, ее тая.
Я, стиснув зубы, в муках, на пределе
Ее добыл. Вот истина моя!..
Вы ж до сих пор банальностью владели.*

Е. Винокуров

Есть одна крайне вредная из-за лживости книга, многократно переиздаваемая Псково-Печерским монастырем, неведомо за какие достоинства, разве что благодаря названию приносит доход. Она сотворена, надо полагать, в начале XX века, до революции, но напоминает безвозвратно забытые шедевры социалистического реализма, изображавшие жизнь не такой, какова она есть, а какой ее желательно видеть.

Сие анонимное, в стиле Чарской, произведение, именуемое «Ольховский монастырь», изображает *совершенную обитель; красивая местность, красивый вид из окна, красивые насельницы, с невыразимым волнением изрекающие тривиальные до пошлости истины: «Наша цель – распять себя миру, умертвить свои желания»... «послушание – первая заповедь новоначальных»; «будь всегда готова исполнять всякое приказание без лености и отговорок, с доброю волею, усердием, как повеление Божие»...*^{152}

Девушки постоянно *трепещут* от возвышенных чувств и делятся ими с первым встречным: «Я здесь счастлива... я люблю каждый уголок, деревце, камешек на дорожке»... А уж игуменья! Сама белизна, чистота, одухотворенная красота умерщвленного тела, и притом ум, твердая воля, неисчерпаемая доброта и т. д. и т. п. К сестрам она обращается, разумеется, «друг мой»... «дитя мое»... «чадо»... Ну а сестры, понятно, ее безумно обожают: «Мама, ангел мой! Какая ты хорошая! Приведи, приведи меня ко Христу!»^{153}

Ну просто пирожное какое-то, какое-то безе, сказал бы классик, прямо тошнит. К тому же, заметил один знаменитый *отшельник*, если бы все монахи были ангелоподобными, то не могли бы возрастать среди них святые люди: мудрость и терпение приобретаются лишь наперекор душевным скорбям, несправедливостям, насмешкам, клеветам и обидам.

Беда в том, что в бывшей советской стороне проживает немало индивидов, готовых поверить в реальность сахарного рая – верили же, что где-то неподалеку существуют *образцовые* бригады (коммунистического труда), *образцовые*, со знаком качества, изделия, дома *образцового содержания*; почему не быть образцовому монастырю?

Оглушительный удар от столкновения легкокрылой мечты с жесткой реальностью заслуживает специального описания в специальной книге, которой нет: ведь все немногое о монастырях писано прошедшими свой путь и усовершенствовавшимися. Дурное, болезненное они опускают, во-первых, как минувшее, во-вторых, как личное и потому не типичное, не назидательное и даже, может быть, соблазнительное для остальных. Бесценные «Записки игуменнии Таисии», «Игуменья Арсения», «Записки архимандрита Пимена» отчасти восполняют

^{151} Чин, бываемый на одевание рясы и камилавки. Требник монашеский. М., 2003. С. 13.

^{152} Ольховский монастырь. Изд. Псково-Печерского монастыря, 1994. С. 18–19.

^{153} Там же. С. 70.

пробел, но и они, конечно, сглаживают шероховатости и конфликты, к тому же присущие позапрошлому веку, и очень мало помогают составить представление о ныне существующих обителях.

Если бы все монахи были ангелоподобными, то не могли бы возрастать среди них святые люди: мудрость и терпение приобретаются лишь наперекор душевным скорбям, несправедливостям, насмешкам, клеветам и обидам.

Однако вряд ли достоверен и кромешный кошмар, описываемый одним приходским священником: тяжелый ежедневный физический труд до 12–14 часов в день, ведущий к потере здоровья; постоянное унижение со стороны старших^{154}; отсутствие элементарных бытовых удобств и всякая неустроенность; недостаток пищи плюс строгий запрет подкрепляться между трапезами, а трапез всего две или даже одна, без масла, соли и сахара; употребление за обедом чайных ложек (чтобы меньше съесть); отказ в лекарствах и медицинском обслуживании; запрещение встречаться с родными и знакомыми, а также с паломниками... Чем не каторга? По изощренности издевательств даже хуже.

Духовные лишения еще более невыносимы: нет никакого руководства, а общаться с прежним духовником не разрешают; читать святоотеческие книги не благословляют, да их и нету; на богослужение не попасть; причащаться позволяют редко или, наоборот, слишком часто; по святым местам не возят; принуждают к наушничеству под видом откровения помыслов; лишают всякой свободы^{155}; начальствующие вмешиваются во внутреннюю жизнь; дружить не с кем: берут всех подряд с халуги^{156}, т. к. заинтересованы лишь в многочисленности, ради бесплатной рабочей силы; запрещают после пострига покидать монастырь^{157}.

Автор прозорливо полагает, что кому-то эта картина покажется слишком мрачной^{158} и его обвинят в клевете. Может быть, его подводит источник информации: нежные девы, склонные малейшие ограничения комфорта и своеволия возводить в ранг страданий и находящие величайшую уладу в орошении обильными слезами епитрахили обожаемого духовного отца. Иначе придется заподозрить, что монастырями злокозненно управляют посланцы ада, мелкие антихристы, извратившие христианство, захватившие власть с целью терзать наследие Божие, провоцируя к ненависти и отступничеству.

А вот одна отважная девица, назовем ее Валентиной, с бухты-баряхты поселилась в монастыре – лет пятнадцать назад, когда еще не вошли в обиход паломничества и разведать заранее не приходило в голову. О, разумеется, элементарные удобства отсутствовали; трудились действительно от зари до зари, т. к. людей не хватало, приходилось каждой нести по три-четыре послушания. Валентина пасла, доила и обихаживала единственную пока корову, сепарировала молоко, а также пела на клиросе.

Тогда жили в руинах, в крайней тесноте, без отопления и освещения, окруженные страшными черными глазницами разрушенных корпусов, одинаково бедно, скудно,

^{154} Не вдруг душа достигает чистоты; наперед должна она испытать скорби, потерпеть унижение, тесноту, – утверждал прп. Макарий Египетский. Сам он, по словам современника, был суров к приходящим. Цит. по: П. С. Казанский. История православного монашества на Востоке. М.: Паломник, 2000 Ч. 2. С. 94, 90.

^{155} Это что! Вот в золотом XVI веке свободы лишали в самом прямом смысле: заключали в темницу, держали на цепи, в *железах*, кололи *остном*, били плетью. За недоносительство на согрешившего брата назначали 5 дней сухоядения с поклонами; за смех и разговоры во время службы – 12 дней поста и 100 поклонов ежедневно; за клевету – 40 дней сухоядения и 60 поклонов; за ложь – неделя сухоядения и 80 поклонов; за ропот на плохую погоду (!) – три дня сухоядения с 25-ю поклонами. См.: Е. Романенко. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.

^{156} Слово святытеля Игнатия.

^{157} Если монах, оставив монастырь свой, уйдет в другой или поселится в мирском жилище – таковой, равно и принявший сего, да будут отлучены от общения церковного. Правило Двукратного Собора. Цит. по П. С. Казанский. Указ. соч. С. 440.

^{158} А кому **не** покажется? Этого нет, того нет... А Бог-то в этой черноте – есть?

неуютно. И что интересно, никто не болел, не стонал и не роптал; это всё началось позже, когда маленько обустроились, когда в игуменском корпусе стали топить, когда соорудили, но не для всех, теплые туалеты и даже ванны, когда явились богатые покровители и умножились денежные пожертвования, когда закипели стройки и ремонты, когда число сестер перевалило за пятьдесят.

Матушка уже не ходила со всеми на огород, часто путешествовала, оставляя монастырь на шуструю помощницу, которая, равнодушно взирая поверх голов, гнала на поля в любую погоду даже больных с температурой, ледяным тоном говорила гадости и каждой ладила какую хотела репутацию в глазах игумении, а та не затруднялась обзывать сестер в глаза и за глаза дурой, шизофреничкой, чокнутой: «С дуба рухнула?», «Умом рёхнулась?», ругала певчих: «Орете, как со второй рюмки!» и часто ворчала: «Ну, чурки с глазами! Смирюсь, терплю вас, а уж пострига не ждите».

Валентина, исходя из христианского долга, защищала сестер и как-то даже дерзнула высказать упрек в жестокости. В результате, когда переселялись в отремонтированный корпус, ее за строптивость оставили с двумя безответными старушками в насквозь продуваемом дощатом доме, где ночами по головам бегали голодные мыши; они выгрызли громадную дыру в подаренном бабушкой роскошном пуховом одеяле, и теперь не удавалось согреться даже в постели.

Тех, кто вступил в обитель одновременно с ней, уже постригли, одели новеньких, а Валентина всё шастала в сильно потрепанном мирском, в чем приехала. От коровы ее отставили, отняв последнее утешение – часы одиночества, с клироса изгнали и бросили на кухню, в самую суету и гвалт; а в качестве отдыха, помимо кухонной чреды, посылали тяпать еле заметные росточки кормовой свеклы в поле, от восьми до восьми на солнцепеке, с получасовым перерывом на обед.

Но не сразу и не постоянно приходится нам пить чашу страданий.

Ко всему и соседки оказались не так уж робки и кротки: уловив отношение к Валентине начальства, они стали коситься на нее с подозрением и, наконец, одна старушка громогласно обвинила Валентину в краже сахара... О-о! С Валентиной впервые в ее молодой жизни случился сердечный приступ; она задыхалась от обиды и ярости. Теперь и келья превратилась в ад. Валентина отгородила свой сбитый из неоструганных досок топчан, повесив простыню на веревке, но постоянное перешептывание и хихиканье за занавесом сводило ее с ума.

Валентину будто нарочно истребляли, и она *дошла*: совершенно не могла молиться – иссохло сердце, впавшие глаза не источали ни слезинки; придя в келью, она валилась снопом, погружалась в вязкую бездну сна, а утром вставала уже усталая и, как Марья-искусница в детском фильме, могла бы тупо повторять: что воля... что неволя... всё одно. Но, самое мерзкое, ею время от времени овладевали злобные, отчаянные, бунтарские помыслы, с примесью позорной зависти: кто им дал право, грубым, неграмотным... и т. п. И постоянно хотелось есть.

Надо сказать, Валентина покинула мир не новичком; дома она аккуратно читала правило, конспектировала Феофана Затворника и «Добротолюбие», знала и ценила молитвенное вдохновение и сердечную тишину, придерживалась ограничения в сне и во всем воздержания, записывала помыслы и исповедовалась в лавре. Приехав в монастырь, она увидела там знакомого по Москве уважаемого ею священника и порадовалась, истолковав этот факт как еще одно доказательство правильности своего выбора.

Так вот, батюшка внезапно исчез, то ли выгнали, то ли сам, и стало совсем плохо: некому поплакаться, не с кем посоветоваться; сказано же: горе человеку, если он упадет

и некому поднять его^{159}. Последняя капля горечи принесла Валентине странную радость: «Истожайте, истожайте до оснований его!»^{160} – гневно напевала она, в воображении ежеминутно уезжая, прощаясь с юдолью мучений, сбрасывая неудобноносимые бремена.

Но не сразу и не постоянно приходится нам пить чашу страданий^{161}. Со временем ситуация изменилась. Валентина не сбежала; она успокоилась. Не то чтобы случилось чудо, Сам Господь не явился, но кое-что Он явил, и в истерзанную душу пролилась Его любовь и милость. В скорбные дни она, не помнит откуда, выписала: если от Бога получил и той же волей Божией потерял – можно ли жалеть об утрате? Ее вдруг назначили церковницей и уставщицей, и она благодумствовала.

Ретивая помощница игуменнии укатила на мотоцикле с откуда-то свалившимся кавалером чуть ли не в Париж, а матушка однажды в расслаблении гриппа призналась Валентине: «Ой, да чё я знаю-то! Постригли, поставили, чтоб монастырь открыть, а я ничё не могу, ни сказать, ни сделать, только болею; а сестер-то надо спасать!» Она, догадалась растроганная Валентина, боялась собственной доброты, мягкотелости, для того и хмурила брови, накручивала себя, кричала. Соседка по келье, обливаясь слезами, призналась, что пачка сахара завалилась за полку; обе старушки земно кланялись, прося прощения, Валентина рыдала тоже.

Она давно монахиня, но, как и многие, наипаче дорожит скорбным периодом послушничества, пребыванием под спудом, изнеможением, конфликтами и даже внутренней пустотой, когда погибала, погребенная под обломками своего прежнего ничем не возмутимого благочестия: «Юнейший аз есмь и уничижен... ни на что не променяю». Ведь именно тогда она узнала правду о себе: увидела подлую наклонность к предательству, ничтожество бес сильного духа, наглое плебейство плоти. Но главное – на самом дне выстраданной нищеты открылся смысл хорошо знакомых слов псалмопевца о Боге, спасающем от малодушия и от бури^{162}.

{159} Еккл. 4, 10.

{160} Пс. 136.

{161} Свщмч. Фаддей (Успенский), архиепископ Тверской. Творения. Тверь, 2002. С. 404.

{162} Пс. 54.

Наедине с медведем

*Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет – и оживет она.
...Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.*

В. Ходасевич

Говорят, цель лишает свободы. Взыскующий иноческого жития, еще в миру подвизавшийся в бдении-пощении, а особенно в чтении святоотеческих писаний, твердо знает и тем самым заведомо себе и Промыслу предписывает: главное в монашестве – нерассеянная молитва, соединяющая с Богом. Молитва же требует уединения, тишины, покоя и времени – ни один монастырь не дарит этих привилегий прежде, чем насельник, вернее, насельница^{163} *выработается*, постареет, поболует; в любом случае новоначальным на такой расклад надеяться не стоит.

Рассказывают про одного архимандрита, юношей вознамерившегося поступить в Псково-Печерский монастырь. Первым послушанием ему определили уборку туалетов – он оскорбился и со словами «я молиться пришел, а не г... возить!» покинул славную обитель. Может быть, он не слышал об Иоанне Дамаскине, исполнявшем это послушание в течение двух лет, ни о епископе Афанасии (Сахарове), тоже, по странному сближению, великом церковном гимнотворце, который многие годы в лагере бессменно состоял ассенизатором.

Всякий новоначальный, намеревающийся не «попытать счастья», а всерьез проходить монашество, оказывается в обстоятельствах, прямо противоположных собственным ожиданиям и отнюдь не способствующих возвышенным порывам: тяжелая работа, перенаселенная келья, бездарное начальство, абсурдные приказания, глухое непонимание... бывает и настоящее преследование, которое порой невозможно понять и объяснить, потому как ведь от своих, от православных, единомысленных и даже монашествующих.

«Как христианский младенец крещается водой и Духом, иначе не может быть христианином, так и младенец-монах крещается крестом – иначе не может быть монахом», – сказал в видении послушнице Марии Сам Спаситель во время неожиданных скорбей, обрушившихся на нее из-за клеветы, порожденной завистью. А горячо любимая, благородная и добрая игуменья, зная правду, всему поверила – почему?^{164} Почему столько издевательств и клевет понес от архиерея, притом хорошего же человека, митрополит Филарет (Амфитеатров)?

Каждому из нас предстоит осуществить переход через бурное море жизни, временами черное и мрачное, и желательно свершать свой путь без удивления, т. е. без сетований и стенаний.

Почему в Оптиной, в той Оптиной, в непосредственной близости от моря света и тепла, согревавшего всю Россию, мучился всеми забытый голодный и холодный отрок, будущий старец Гавриил (Зырянов)? Почему, в конце концов, ожесточил Господь сердце фараона?^{165} Конечно, чтоб не скоро забыли цену избавления; чтоб познали верность Господа и истин-

^{163} В мужских монастырях постригом и рукоположением период *трудничества* завершается, тогда как для женщин освобождение от работ, связанных с физическим утомлением, наступает только вследствие приобретенной болезни или преклонного возраста.

^{164} Записки и письма игуменьи Таисии. М.: Паломник, 2000. С. 110.

^{165} Исх. 9, 12.

ность Его обетований; чтоб испытали, сколь безгранична и могущественна Его милость к избранным Своим, трусливым, малодушным и жалким; наконец, чтоб помнили – самим, не имея ни средств на выкуп из плена, ни сил на борьбу, ни организации, ни единства, не сделать бы и первого шага.

Фараон в книге Исход выступает не просто как царь, правитель – согласно египетским верованиям он считался воплощением верховного солнечного божества Амон-Ра. Как ложный бог, фараон олицетворяет всю богоборческую сущность мира^{166}, всё зло, воюющее на Бога истинного^{167}. Побеждает фараона Сам Господь; народ же может только следовать за Ним, туда, к Чермному морю, за которым – свобода. Так каждому из нас, по выражению святителя Григория Нисского, предстоит осуществить переход через бурное море жизни, временами черное и мрачное, и желательно свершать свой путь без *удивления*, т. е. без сетований и стенаний.

^{166} В этом смысле «фараон» упоминается и в литургических текстах Церкви.

^{167} См.: Прот. Александр Сорокин. Введение в Священное Писание Ветхого Завета. Киев, 2003. С. 74–77.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания